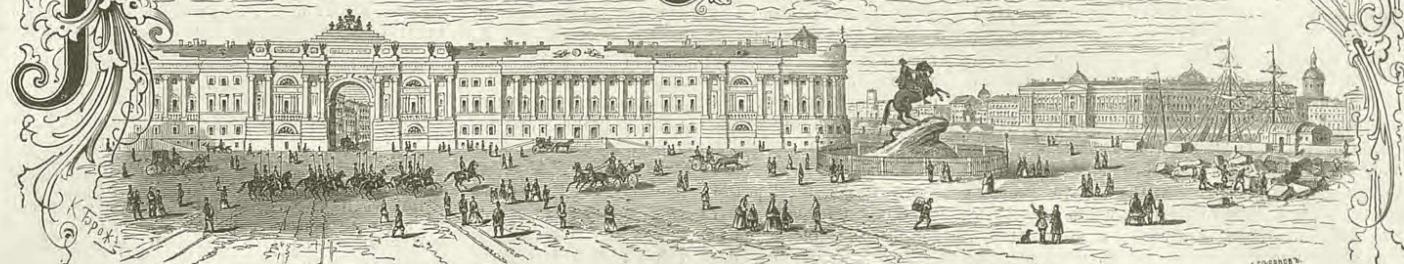

Всемирная Иллюстрация

№ 107.

III ГОДЪ, ТОМЪ V. № 3.

16 Января 1871 года.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДЪ ВЪ РОССИИ:

Въ С.-Петербургѣ: безъ доставки . . . 12 р.
съ доставкой . . . 13 р. 50 к.

Съ пересылкою въ другіе города . . . 15 р.

Въ Москвѣ (у книгопродавцевъ Ив. Г. Соловьева, А. Ланге, М. М. Червинна и Б. Поста), безъ доставки 13 р. 50 к.

Журналъ **ВСЕМИРНАЯ ИЛЛЮСТРАЦІЯ** ВЫХОДИТЪ
ЕЖЕНЕДЕЛЬНО, ВЪ ФОРМАТѢ БОЛЬШОГО ДВОЙНОГО ЛИСТА
ВЪ 16 СТРАНИЦЪ.

Цѣна съ пересылкою на полгода **8 р. 50 к.** *)

*) Изъ этой суммы 90 к. за пересылку и 1 р. 60 к. за упаковку.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДЪ ЗАГРАНИЦЕЮ:

1. Пруссія и Германск. Почтовый союзъ	16 р.
2. Австрія и Румынія	16 .
3. Бельгія, Швейцарія, и Сербія	17 .
4. Франція, Швеція и Данія	19 .
5. Англія, Испанія, Португалія и Турція	21 .
6. Италія	19 .
7. Сѣверные Американскіе соединенные штаты	21 .

Главная контора редакціи „ВСЕМИРНОЙ ИЛЛЮСТРАЦИИ“ (Германа Гуппе) находится въ С.-Петербургѣ, на Большой Садовой улицѣ, въ домѣ Ильина, № 16.

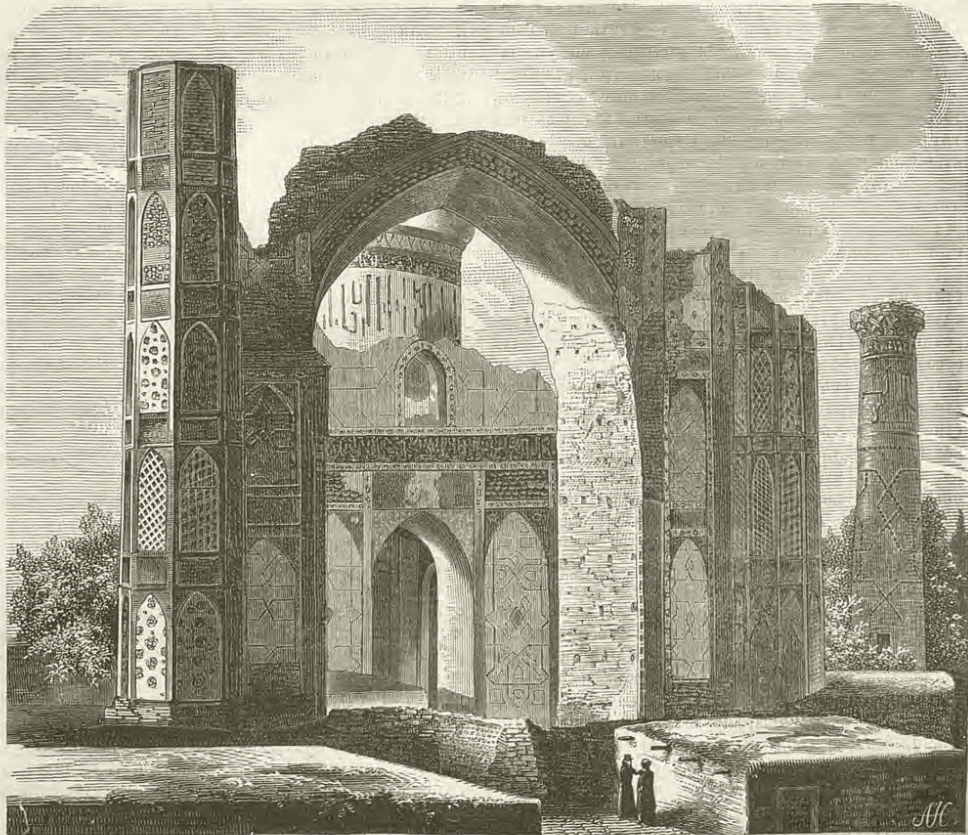
СОДЕРЖАНІЕ: Внутренняя и вѣшняя политика. — Новѣйшія извѣстія. — Вѣсти о войнѣ между Германіей и Франціей. — Разныя извѣстія. — Самаркандъ. — Славянскія искусства и литературы. — Второе бракосочетаніе царя Михаила Теодоровича (Продолженіе). — Сего Колпино и адмиралтейскіе Ижорскіе заводы (окончаніе). — Проектъ проспекта «Императора Александра II», въ С.-Петербургѣ, (окончаніе). — Турецкіе башабузки ведутъ герцеговинскихъ дѣвухъ на арматурку въ Дринополь, картина чешскаго живописца Ярослава Чермака. — Алексѣй Теодоровичъ Львовъ (біографическій очеркъ). — Иркутская золотосплавочная лабораторія. — Фельетонъ. — Война между Германіей и Франціей: Генералъ Федеръ. — Новості науки и цивилизаціи. — Некрологи. — Шахматы. — Гербъ Рязанскій. — Объявленія.

РИСУНКИ: Самаркандъ: 1) Мечеть Ханимъ; 2) Видъ крѣпости; 3) Видъ города. — Императоръ Вильгельмъ I со своими штабомъ. — Турецкіе башабузки ведутъ герцеговинскихъ дѣвухъ на арматурку въ Дринополь, картина чешскаго живописца Ярослава Чермака. — Охота на медвѣдя въ Смоленской губерніи. — Алексѣй Теодоровичъ Львовъ. — Наши заводы и мастерскія: 1) Видъ зданія паровой мельницы Фейгина въ С.-Петербургѣ; 2) Паровая машина мельницы Фейгина; 3) Новое золотосплавочное заведеніе въ Иркутскѣ. — Война между Германіей и Франціей: 1) Генералъ Виша, командиръ 2 корпуса парижской арміи; 2) Генералъ Федеръ, командиръ французской сѣверной арміи. — Гербъ Рязанскій.

ВНУТРЕННЯЯ И ВНѢШНЯЯ ПОЛИТИКА.

12 января 1871 г.

Въ началѣ прошедшей недѣли обнаружена государственная роспись доходовъ и расходовъ на 1871 г. Этотъ документъ произвелъ вообще довольно благоприятное впечатлѣніе на нашу публику и на С.-Петербургскую биржу, тою, сравнительно ничтожною, разностию, которая обнаруживается въ немъ между средствами страны и потребностями государственныхъ издержекъ. Полнаго уничтоженія дефицита въ бюджетѣ на 1871 г. еще не оказывается, но за то дефицитъ этотъ сводится на сравнительно ничтожную цифру *четыре мѣлѣоны рублей* и на его покрытие оказывается свободною совершенно достаточная сумма изъ остатковъ отъ заключенныхъ смѣтъ. Это послѣднее обстоятельство истолковывается нѣкоторыми, даже въ смыслѣ совершеннаго отсутствія дефицита въ нынѣшнемъ бюджетѣ, но подобное объясненіе не выдерживаетъ критики. Суммы, изъ которыхъ предполагается покрыть дефицитъ бюджета на 1871 г., не составляютъ какого либо излишка отъ государственныхъ доходовъ прошлыхъ годовъ. Онѣ образовались совершенно инымъ путемъ и именно вотъ какимъ. Въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, начиная съ 1865 г., государственное казначейство наше заключало весьма крупныя займы и извѣстная часть суммъ, вырученныхъ этими займами, ассигновывалась ежегодно на покрытие бюджетныхъ дефицитовъ. Случилось такъ, что въ нѣкоторые изъ упомянутыхъ годовъ государственные доходы оказались въ дѣйствительности большими, чѣмъ это предвидѣлось по бюджетнымъ соображеніямъ и, такимъ образомъ, по заключеніи годичной смѣты, оставалась въ излишкѣ вся разница между дѣйствительными доходами и цифрою ихъ, предсказанною въ бюджетѣ. По настоящему, такіе излишки должны были бы идти на погашеніе части тѣхъ займовъ, выручка отъ которыхъ шла на покрытие бюджетныхъ дефицитовъ, но такого назначенія имъ не было дано

Самаркандъ: Мечеть Ханимъ.

(Съ наброска Иванова, рисов. на дер. А. Н. Искенковъ, грав. Ф. Герасимовъ).

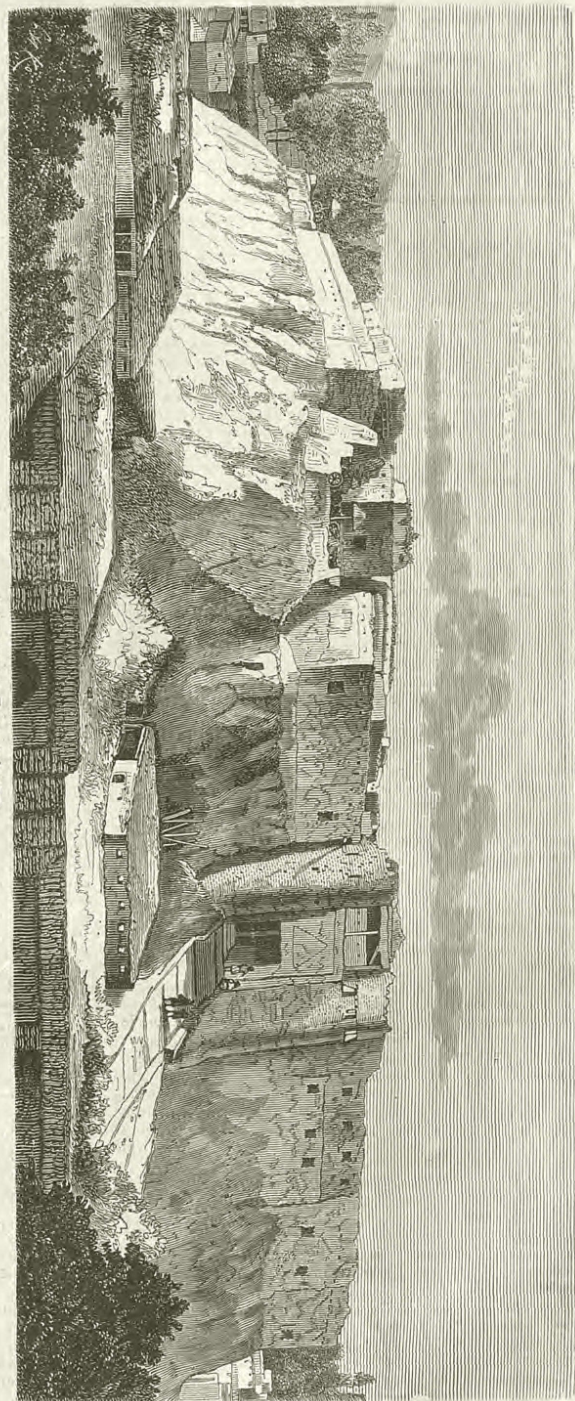
РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Петербургъ. 5 января, въ залахъ военнаго совѣта состоялось открытіе Высочайше утвержденной комисіи о личной военной повинности.

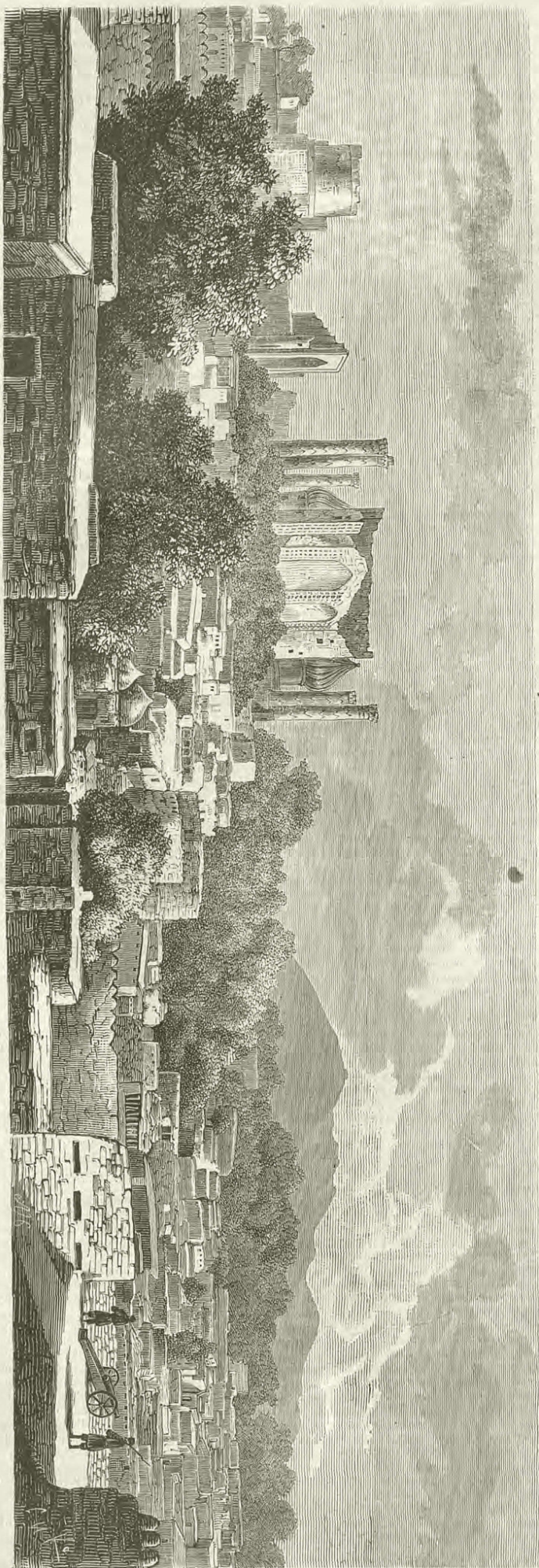
— Въ № 7 «Прав. Вѣст.» напечатанъ Высочайшій рескриптъ на имя генералъ-губернатора Финляндіи, о распространении на нее всеобщей военной повинности, руководствуясь при томъ существующими тамъ постановленіями.

— Оренбургское казачье войско представило Государю Императору всеподданнѣйшій адресъ съ выраженіемъ вѣрноподданнческихъ чувствъ по случаю циркулярной депеши 19 октября.

— Изъ недавно напечатанной государственной росписи видно, что обыкновенные доходы на 1871 годъ исчислены въ 454.183,905 руб., то есть, почти на 14 мил. болѣе противъ предшествовавшаго года. Издержки взаимно доходовъ опредѣлены въ 50.442,028 руб., что составляетъ

Самаркандъ. Видъ яркости.
(Изъ наброска Иванова, рисов. на кер. А. Н. Нисченкова, грав. Л. А. Сфражова).

Самаркандъ. Видъ города.
(Изъ наброска Иванова, рисов. на кер. А. Н. Нисченкова, грав. Л. А. Сфражова).

11¹/₁₀₀% (въ росписи 1870 года издержки эти исчислены въ 12¹/₂%), а въ росписи 1869 года въ 11¹/₁₀₀). Такимъ образомъ, чистый доходъ, ожидаемый въ 1871 году, будетъ 403.741,877 руб. Обыкновенные государственные расходы (вмѣстѣ съ вышеуказанными издержками по взиманію доходовъ) опредѣлены въ 456.576,900 руб.; сверхъ того, на недоборъ въ доходахъ положено 2.000,000 руб. (въ прошлагодной росписи полагалось 3 мил.). Сравнительно съ росписью на 1870 годъ, обыкновенные расходы 1871 года увеличены по сметамъ на 10.115,830 руб.

— 7 января, въ 12¹/₂ часовъ дня, въ высочайшемъ Его Императорскаго Величества присутствіи, былъ на Дворцовой, Адмиралтейской и Петровской площадяхъ парадъ всѣмъ войскамъ, въ Петербургъ и окрестностяхъ расположеннымъ. Въ строю находилось 46³/₄ баталіоновъ, 34¹/₂ эскадроновъ и 98 орудій.

— Въ Петербургъ, съ 1846 г., существуетъ въ Большой Конюшенной (№ 8-й) бібліотека, основанная и поддерживаемая нѣмцами-протестантами. Бібліотека эта состоитъ изъ 37,000 нѣмецкихъ, 4,000 французскихъ,

1,000 английских, 150 голландских, 1,000 финских и 1,000 шведских сочинений; но в ней до сих пор вовсе не было русских книг. Для пополнения этого пробела, предполагается собрать особую сумму посредством 4-х публичных чтений.

Петербург. В газетах появилось следующее заявление: «Мы, нижеподписавшиеся, имеем честь заявить всем содержателям театров в России и обществам, дающим спектакли, что представление наших оригинальных пьес и переводов, без предварительного нашего на то согласия, никому не дозволяется, под опасением взыскания на основании 1,684 ст. улож. о наказ. (изд. 1866 г.).»

новления штрафовъ съ родителей, не посылающихъ своихъ дѣтей въ школу, но ничего рѣшительнаго по этому дѣлу не послѣдовало.

Крестцы. Крестьянское земство обязало сельдшеровъ ежедневно быть въ известныхъ селеніяхъ, и объ этомъ оповѣстило народъ и потомъ устроило волостныя лечебницы, въ простыхъ крестьянскихъ избахъ, гдѣ покой и леченіе безвозмездны.

Могилевъ. Въ «Московскія Вѣдомости» пишутъ, что при мазоловскомъ женскомъ монастырѣ (могилевской епархіи), открыты училище для двочекъ крестьянскаго и другихъ сословій и больница для приходскихъ въ монастырѣ богомольцевъ и другихъ лицъ.

Ташкентъ, 10 ноября, въ домъ военнаго губернатора. На этомъ съѣздѣ были подняты важныя торговые вопросы, напр. о необходимости ввести въ обращеніе во всехъ сосѣднихъ ханствахъ нашъ кредитный рубль, о необходимости учредить консульства въ Бухарѣ, Кокандѣ и Камгарѣ, о необходимости введенія въ ханствахъ русскихъ вѣсовъ и мѣръ и устройства въ Ташкентѣ и въ другихъ городахъ края правильнаго городского управления и т. п.

Терская область. По слухамъ, сообщаемымъ «Терскимъ Вѣдомостямъ», въ Буртулатѣ предполагаютъ устроить литературныя вечера, офицерскій клубъ и солдатскій театръ.

Императоръ Вильгельмъ I со своимъ штабомъ.
(Грав. А. Дугаль).

«За полученіемъ нашего согласія и для переговоровъ о его условіяхъ, гг. содержатели театровъ и распорядители спектаклей благоволятъ обращаться къ нашему уполномоченному Владиміру Ивановичу Родиславскому, въ контору журнала «Бесѣда», въ Москвѣ, на Срѣтенскѣ, въ домѣ Щепкиныхъ». Затѣмъ слѣдуютъ 29 подписей.

Екатеринославъ. Екатеринославское земское собраніе положило ходатайствовать объ устройствѣ земской желѣзно-конной дороги отъ г. Екатеринослава до Николаева. Это же собраніе разбираетъ вопросъ о предоставленіи льготы грамотнымъ крестьянамъ и объ уста-

Одесса. Въ «Новороссійскихъ Вѣдомостяхъ» сообщаютъ, что одесское акцизное управленіе нашло возможнымъ чиновниковъ, наблюдающихъ за табачными фабриками, замѣнить женщинами.

Сумы. Сумское (Харьковской губерніи) уездное земское собраніе опредѣлило: учредить при сумской гимназій педагогическія курсы для приготовленія учителей начальныхъ народныхъ училищъ и на содержаніе этихъ курсовъ вносить ежегодно въ суму 1,000 руб.

Ташкентъ. Газета «Туркестанскія Вѣдомости» сообщаетъ весьма любопытныя подробности перваго заведенія сѣзда русскихъ и азіатскихъ купцовъ въ

Самаркандъ.

Не дальше двухъ лѣтъ тому назадъ, врядъ-ли кто изъ насъ зналъ что нибудь о городѣ Самаркандѣ и, вѣроятно, у весьма немногихъ сохранилось въ памяти самое имя этой, нѣкогда славной, столицы Тамерлана. Въ настоящее время, Самаркандъ—главный городъ Зарѣфшанскаго округа и составляетъ важный передовой пунктъ въ нашихъ новыхъ Среднеазиатскихъ владѣніяхъ. Походъ нашихъ войскъ въ Самар-

кандь, взятіє господствующих надъ городомъ высотъ Чупань-Ата и отбитіє приступа бухарскихъ и шагрисабскихъ войскъ, представляеть одно изъ самыхъ смѣлыхъ военныхъ предприятий, имѣвшихъ рѣшительное вліяніе на упроченіе нашего владычества въ Средней Азій. Важность присоединенія Самарканда къ русскимъ владѣніямъ, вполне объясняетъ тревогу, произведенную этимъ событіемъ въ Англіи, съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдящей за успѣхами нашими въ Средней Азій, такъ какъ, со взятіемъ Самарканда, мы приобрѣли не только важный стратегическій, но и торговый пунктъ, для обмѣна нашихъ мануфактурныхъ произведеній на богатые сырые продукты Средней Азій, Индіи и западнаго Китая.

До 1863 г. мы владѣли въ Средней Азій только торговыми путями, ведущими въ Китайскую Татарию, въ Хиву, Бухару и Кокань; но съ развитіемъ нашихъ торговыхъ интересовъ въ этихъ странахъ, необходимо было оградить эти интересы отъ случайностей, которымъ подвергалась наша торговля въ трехъ Среднеазиатскихъ ханствахъ, ведущихъ безконечную вражду между собою, а также съ сосѣднею Персією. Непосредственнымъ результатомъ нашихъ стремленій въ Средней Азій, было постепенное занятіе важныхъ торговыхъ пунктовъ, каковы Ташкентъ, Ходжентъ и Самаркандъ, а также приобрѣтеніе нами отъ воинственной Хивы право судоходства вверхъ по Аму-Дарьѣ до города Кунграда, отстоящаго всего на двести днй караваннаго пути отъ Хивы.

Практическое значеніе завоеваній нашихъ въ Средней Азій, вполне рельефно выразилось во время тѣлозого мануфактурнаго кризиса, вызваннаго междуособною войною въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки; наши хлопчатобумажныя мануфактуры, будучи обезпечены полученіемъ «бухарскаго» хлопка, легче другихъ европейскихъ мануфактуръ выдержали хлопчатобумажный кризисъ.

Занятія нами, безъ большого кровопролитія, части владѣній Бухарскаго и Коканскаго ханствъ, населены смѣшаннымъ народонаселеніемъ индо-европейскаго и монгольскаго племени, занимающихъ весьма плодородныя земли, лежащая въ долинахъ среднихъ теченій рѣкъ, впадающихъ въ Аральское море или вытекающихъ изъ отроговъ Тянь-Шаня. Въ одной изъ такихъ мѣстностей, богато орошенныхъ естественными и искусственными протоками, лежитъ древнѣйшій среднеазиатскій городъ Самаркандъ. Мѣстное преданіе приписываетъ основаніе этого города арабскому шейху, завоевательныя стремленія котораго привели его въ богатую долину рѣки Зарифшана или Согды, въ половинѣ V вѣка до нашей эры; въ это время городъ Самаркандъ носилъ названіе Мараванда. Войска Александра Македонскаго проникли было до Мараванда, жители котораго оказали, вѣроятно, сильное сопротивленіе великому завоевателю, потому что преданіе говорить о полномъ разореніи города, вновь отстроеннаго и укрѣпленнаго рабомъ Александра великаго Самаромъ, въ честь котораго городъ былъ названъ Самаркандомъ и составлялъ столицу Согдіаны, одной изъ провинцій Селевкидовъ и ихъ преемниковъ. Завоеваніе края греками дало возможность греческой цивилизаціи далеко распространиться въ Средней Азій и дѣйствительно, до сихъ поръ въ могильныхъ курганахъ Бухары, Афганистана и Кабула находятъ греко-бактрійскія монеты и медали.

До начала среднихъ вѣковъ, страны, въ которыхъ лежатъ Самаркандъ и сосѣдніе города, были театромъ безконечныхъ войнъ родоначальниковъ тѣхъ индо-европейскихъ и тюркскихъ племенъ, которыя наводнили древній европейскій міръ, а потому и самая исторія этихъ странъ теряется въ легендарныхъ сказаніяхъ племенъ, разсыпавшихся по всему свѣту. Но несомнѣнно, что древніи Согдіана, Бактріана и Скифія представляли много привлекательнаго для тогдашнихъ завоевателей, если мы видимъ въ среднихъ вѣкахъ появленіе въ долинахъ Оксуса, Яксарта и Согды арабскихъ, а затѣмъ монгольскихъ полчищъ, овладѣвшихъ обширными странами, часть которыхъ составляеть одно изъ лучшихъ приобрѣтеній нашего обширнаго отечества.

Арабы внесли въ завоеванныя ими страны новую религію и образованность; монголы распространили религію Мохамеда до крайнихъ предѣловъ востока и запада, грозя одно время поглотить большую часть средневѣковаго міра. Чингисъ-Ханъ овладѣлъ Самаркандомъ въ началѣ XIII вѣка, а Тимуръ-Ленгъ избралъ его столицей своего безграничнаго царства и задумавъ было сдѣлать изъ него первый городъ въ мірѣ. Въ теченіи ста лѣтъ, Самаркандъ былъ поприщемъ обширной ученой, административной и торговой дѣятельности, привлекъ болѣе полутора тысячъ жителей; множество мечетей, медресе (коллегій);

развалины дворцовъ, загородныхъ домовъ и другихъ зданій до сихъ поръ еще свидѣтельствуютъ о прежнемъ величій столицы монгольскихъ владетелей.

Первое мая—самый памятный день для русскихъ, живущихъ въ Средней Азій. Въ этотъ день, въ 1868 году, русскіе войска, подъ начальствомъ генерала фонъ-Кауфмана, взяли приступомъ Чупань-Ата, — высоты, господствующія надъ долиною Зарифшана и надъ Самаркандомъ, лежащимъ отсюда въ разстояніи восьми верстъ. Со взятіемъ скалистыхъ высотъ Чупань-Ата, Самаркандъ увидѣлъ на другой день въ стѣнахъ своихъ русскія войска. Первое мая въ Самаркандѣ празднуется русскими на Чупань-Атѣ. Вокругъ Чупань-Аты разбросаны фруктовые сады и хутора; съ горъ льются водопады и, собираясь въ орыки (оросительные каналы), разносятъ по полямъ плодородіе. Русскій праздникъ въ Средней Азій, сопровождаемый полковой музыкой, пѣсенниками, разными угощеніями, въ которыхъ главную роль играетъ чай, одинаково любимый какъ русскими, такъ и азіатцами, — привлекаетъ большое количество самаркандцевъ, охотно сходящихся на русскій томашу (праздникъ), до котораго восточный житель такой же охотникъ, какъ и все другіе народы. На вершинѣ Чупань-Аты построена, въ честь весьма чтимаго въ этихъ странахъ мусульманскаго святого Чупана, мазарка — родъ часовни съ продолговатымъ куполомъ; близъ мазарки живутъ дервиши; у нихъ странники находятъ гостепріимный пріютъ, которымъ славится Востокъ.

Съ высотъ Чупань-Ата открывается великолѣпный видъ на ближайшія окрестности. Справа виднѣются сѣрыя горы Шункаръ-Тау (Соколиныя горы), послѣдніе отроги Тянь-Шаня; еще далье, на сѣверо-западъ, едва замѣтно очерчивается отдѣльный хребетъ Акъ-Тау; на юго-востокъ снѣбютъ послѣдніе отроги вѣтвистой гряды горнагозла Команъ-Горанъ. Изъ ущелья Команъ-Горана вытекаетъ множество незначительныхъ, но величій, но важныхъ для развитія земледѣлія, рѣкъ: Катанъ-дарья (Дарья рѣка), Дяуль-дарья, Гиланъ-дарья, Якобакъ-дарья, Кашка-дарья. Въ этой гористой странѣ, богато орошеной небольшими рѣками, ручьями и искусственными каналами, живетъ воинственное и, въ тоже время, промышленное племѣ талжанковъ, управляемыхъ особымъ ханомъ, владѣній котораго, называемыя Шагрисабъ, (по русскому произношенію), успѣли отстоять свою независимость среди двухъ могущественныхъ сосѣдей: Бухары и Кокана. Въ предѣлахъ Шагрисабса находятся промышленные города Ургутъ, Шаоръ, Карши, Гузаръ и городъ Китайъ—свѣщенная, въ глазахъ туземцевъ, родина Тимура-Хромого, имя котораго чтится въ этихъ странахъ наравнѣ съ именемъ великаго пророка. Черезъ эти города идутъ большіе караванные пути въ Бухару, Афганистанъ и западную Индію, по которымъ стремится неудержимый потокъ русской торговли, принимающей все большіе и большіе размѣры.

Но еще великолѣпнѣе видъ съ Чупань-Аты на долину рѣки Зарифшана, которая въ этомъ мѣстѣ, встрѣчая естественную преграду въ скалистыхъ горахъ, раздѣляется на два рукава: Акъ-дарью и Кара-Дарью. Эти два протока обхватываютъ живописную и плодородную долину въ нѣскольکو десятковъ квадратныхъ верстъ, усѣянныхъ хуторами (кышлаками), буквально утопающими въ садахъ. Среди яркой зелени богатыхъ полей, засѣянныхъ пшеницею, рисомъ, хлопкомъ, льются во всехъ направленіяхъ, вынужая общему слуху долины, въ обихъ рукавамъ древней Согды, серебряныя воды Зарифшана, направляемыя на поля оросительными каналами; вдоль которыхъ растутъ роскошныя шококовичныя деревья, покрытыя буйными побѣгами. Ни одинъ орыкъ (каналъ) въ Средней Азій не существуетъ безъ тутоваго дерева, сочные листья котораго прокармливаютъ мѣстную породу шелкоковичнаго червя, получившаго такую высокую цѣну въ настоящее время во всей Европѣ.

Отъ Чупань-Аты до Самарканда считается восемь верстъ и на этомъ разстояніи виднѣнъ весь городъ, съ зубчатыми вершинами его городскихъ стѣнъ и цитадели. Изъ общей массы садовъ, прерываемыхъ плоскими крышами обывательскихъ домовъ, выступаютъ продолговатые куполы старинныхъ мечетей, съ высокими плоскими вершинами тонкихъ минаретовъ, громадныя арки городскихъ воротъ и грандіозныя портики полуразрушенныхъ медресе. Все это утопаетъ въ зелени тополей, абрикосовъ, грушъ, яблонъ, вишенъ и темной зелени абрикосовыхъ и тутовыхъ деревьевъ и надъ всемъ вѣчно синее небо, на которомъ въ теченіи многихъ мѣсяцевъ не показывается ни малѣйшій тучки. Зато въ этихъ широтахъ лѣтъ,

повидимому, постепеннаго перехода между временами года, и если теплое время сопровождается сильными жарамъ, то и зима, въ свою очередь, весьма сурова, такъ какъ морозы достигаютъ нѣрѣдко до тридцати и болѣе градусовъ по Реомюру.

Главныя очертанія современнаго Самарканда — паружный видъ, котораго, также, какъ и другихъ нашихъ среднеазиатскихъ городовъ, долженъ, со временемъ, совершенно измѣниться — остались почти тѣ же, что были и въ славное время Тимура и его преемниковъ, только городъ значительно уменьшился, такъ какъ въ немъ, по приблизительному исчисленію, считается до тридцати тысячъ жителей, хотя венгерскій лингвистъ Вамперъ считаетъ населеніе Самарканда въ весьма неопредѣленныхъ цифрахъ, отъ 15 до 20,000 жителей.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Славянскія искусства и литературы.

Вѣтъ 20 (8) декабря.

Некрологи: Михаилъ Вербицкій. — Василій Лиховичъ. — Преширенъ, отецъ новѣйшей славянскій литературы. — Празднованіе его памяти. — Славянское пѣвческое общество въ Вѣнѣ. — Цѣны за славянскія композиціи для хороваго пѣнія. — Попеченіе о славянскомъ искусствѣ въ Австріи. — Правительственныя субсидіи литераторамъ и художникамъ. — Пристрастіе въ ихъ распредѣленіи.

Въ текущемъ декабрѣ мѣсяцъ окончился въ Мюнхенѣ, въ Галичской Русіи, послѣ продолжительной тяжелой болѣзни, на 55 году отъ рожденія, русскій композиторъ Михаилъ Вербицкій. Онъ, своимъ композиціями для церковнаго пѣнія, составилъ себѣ почтенное имя; не менѣе замѣчательныя его труды и по мірской музыкѣ; о многихъ его композиціяхъ по этой части можно сказать, что онѣ обогащаютъ число достойныхъ произведеній русской національной музыки. Какъ все почтеннѣе на литературномъ и художественномъ поприщахъ лица, среди галичскихъ русскихъ, Вербицкій былъ неумолимымъ народнымъ дѣятеlemъ и знаніе приходскаго священника представляло ему для этого широкую почву. Быть крѣпкимъ оплотомъ противъ полонизаціи, проводимой въ галичской Русіи подъ покровительствомъ австрійскаго правительства, воспитывать народъ въ русскомъ духѣ, распространять среди него русское образованіе — это первая задача лучшихъ людей среди галичскихъ русскихъ, и первая необходимостью для здѣшнихъ литераторовъ и художниковъ, если они хотятъ, чтобы ихъ произведенія не пропали даромъ.

Русскіе въ сѣверовосточной Венгріи недавно лишились тоже одного изъ лучшихъ своихъ литературныхъ и національныхъ дѣятелей, О. Василія Лиховича, профессора лицея въ Ужгородѣ (Ungvár), умершаго тамъ же, мѣсяцъ тому назадъ. О. Лиховичъ сдѣлался извѣстнымъ, помимо своихъ глубокихъ знаній, своихъ литературныхъ и ученыхъ трудовъ, главнымъ образомъ, еще и своими незабвенными заслугами при основаніи столь важнаго для умственнаго развитія венгерскихъ русскихъ, «Литературнаго общества св. Василія Вел.» въ Ужгородѣ. Его стараніямъ и вліянію обязаны мы тѣмъ, что это надежное общество уцѣлѣло отъ гоненій со стороны мадярь, которымъ оно подвергалось, особенно сильно, въ первые годы своего существованія. Ужгородская газета «Свѣтъ» посвящаетъ памяти покойнаго Василія Лиховича статью, исполненную глубокаго сочувствія.

Вѣнскіе славяне на дняхъ праздновали память славянскаго писателя Преширена, отца новѣйшей словенской поэзіи. Празднество устроила «Slovenska mladina na Dunaji» (общество словенцевъ, проживающихъ въ Вѣнѣ). Въ красиво убранной національно-славянскими цвѣтами и эмблемами залѣ собралась многочисленная публика, состоявшая изъ представителей всѣхъ почти отдѣльныхъ славянскихъ народовъ; были русскіе и поляки, югославяне всѣхъ племенъ (сербы, болгары, хорваты и словинцы), но самый главный контингентъ представляли чехи, которыхъ живеть въ Вѣнѣ около 150 тысячъ человекъ. Предсѣдатель словенскаго общества «Младина» сказалъ рѣчь о дѣятельности Преширена и его значенія для словенской литературы. Затѣмъ послѣдовали рѣчи и чтенія на всевозможныхъ славянскихъ языкахъ, учено-литературнаго и политическаго содержания. Между тѣмъ, прибыло до двадцати телеграфическихъ привѣтовъ изъ разныхъ славянскихъ краевъ, которые были прочтены въ слухъ всему собранію. Въ заключеніе послѣдовало нѣсколько музыкальныхъ пѣсень, но большей части вокальныхъ, исполненныхъ вѣнскимъ «Славянскимъ пѣвческимъ обществомъ». Въ числѣ хороваго пѣанса только исключительно произведеній славянскихъ композито-

Всемирная Иллюстрация

№ 108.

III ГОДЪ, ТОМЪ V. № 4.

23 Января 1871 года.

Война.—Отъбрание оружія у горожанъ Версаля.

(Грав. А. Дугель).

ставил г. академик Гуня на наши петербургския выставки. Мы даже готовы, — соображая индивидуальныя достоинства и лучшей стороны таланта художника, — съ увѣренностью высказать, что живопись женскихъ фигуръ преимущественно составляетъ копейкъ дарованіи г. Гуна. Особенно, если онъ не будетъ задаваться кровавыми сценами французской исторіи, далеко не гармонирующей съ особенностями и наклонностями его таланта къ приятнымъ эффектамъ. При такихъ обстоятельствахъ, всегда, милостивыя сами по себѣ, женскія формы, не выступающія съ огнемъ страстной энергіи изъ-за мужскихъ персонажей, — хотя также не совсѣмъ опредѣленнаго характера, однако, болѣе или менѣе, суровыхъ, или внушающихъ даже антипатію, — еще болѣе оказываются холодными, безучастными и мало, или совсѣмъ ничего не выражающими. Точно такое дѣйствительно впечатлѣніе производитъ на зрителя женская фигура въ сценѣ, названной эпизодомъ «Варолаемской ночи» г. Гуна. Опредѣленностью же и полнотою выясненія характера не отличается, къ несчастію, и единичная фигура вооруженнаго мужчины, называющаго крестъ, — въ другой картинѣ этого же художника, бывшей на одной изъ прошлыхъ выставокъ, носящей тоже имя «Эпизода изъ Варолаемской ночи» и принадлежащей теперь Е. И. В. Государю Наслѣднику Цесаревичу.

Характеръ героя бойни гугенотовъ, въ этомъ *шедеврѣ*, — все интересы котораго какъ бы сосредоточились на его занятіи, — намъ кажется, по меньшей мѣрѣ, мало понятнымъ и мелочнымъ, если не совсѣмъ фальшивымъ. Между тѣмъ, человѣчно-правильное выясненіе, хотя одного преобладающаго чувства и затѣвъ характера личности, въ одномъ лицѣ воплощающей по мысли художника цѣлое историческое событіе, отразившееся въ божественныхъ дѣйствіяхъ, мы считаемъ настолько неперемѣннымъ условіемъ, что несоблюденіе его, т. е. недостаточность выраженія въ лицѣ персонажа, для нагляднаго пониманія зрителемъ мысли композитора, равносильно неуспѣху задачи. Не должно въ этомъ случаѣ извинять художника и ограниченностью техническихъ условий, потому что мастерское выполненіе имъ всякаго рода деталей уничтожаетъ возможность допущенія въ композиторѣ неполнаго обладанія средствами искусства. Если же искусство — покорная раба мысли художника, то что иное, какъ не объемъ умственнаго кругозора и не направление его творчества можетъ служить масштабомъ для оцѣнки удовлетворительности или недостаточности созданія характера? Не вдавняясь теперь въ обсужденіе этой стороны индивидуальнаго характера таланта г. Гуна, мы очень рады, что разсматриваемая нами картина художника имѣетъ достоинство, освобождающая насъ отъ необходимости ставить тотъ вопросъ на первое мѣсто. Что талантомъ художникъ нашъ обладаетъ, въ этомъ не можетъ быть сомнѣній: подъ кистью его — живые и мечтаютъ молодое, прекрасное существо, полное страсти, можетъ быть и глубокой, но только еще начинающейся. Тихая задумчивость, противъ желанія, спускаясь непримѣтно, занимаетъ умъ дѣвушки своими, еще такъ для нея новыми, грѣзами на яву. Какъ и отчего это дѣлается, она сама не даетъ себѣ отчета, но чувствуетъ, что она сама не своя. Не тысячи ли разъ носила она въ передникѣ цвѣты, еще болѣе красивые, чѣмъ эти, но мысли имъ до того не занимались, не приходили, не внушали чего-то сладкаго и какъ бы страшнаго, бросающаго то въ жаръ, то въ холодъ, и занимающаго духъ ускореннымъ бѣшеніемъ сердца. Теперь онъ роится, развиваются и приковываютъ къ земаѣ ноги красавицы.

Вотъ это-то выраженіе новаго, неизвѣстнаго до того бѣдной дѣвушкѣ, чувства и нѣжной мечтательности, осязательно передала кисть Гуна въ прекрасныхъ чертахъ Итальянки. И такія стороны характера не полной, еще неопредѣлившейся страсти — отличительная особенность нашего художника. II — въ.

Самаркандъ.

(Продолженіе).

Самаркандъ лежитъ не на самой рѣкѣ Зарифшанъ, но верстахъ въ шести отъ нея. Рѣка Зарифшанъ, имѣющая до трехъ сотъ верстъ теченія, направляющагося съ востока на западъ, беретъ свое начало въ отрогахъ Тянь-Шаня, именно въ Горномъ озерѣ Искандеръ-Куль (озеро Александра Великаго); но такое опредѣленіе еще не проверено никакою ученою экспедиціею, для которой возможность проникнуть въ эти страны еще далеко впередъ. Рѣка Зарифшанъ отъ Самарканда до озера Кара-Кули, служащаго ей истокомъ, несудоходна и безрыбна въ томъ смыслѣ, въ

какомъ считаются рыбныя рѣки, подобныя Волгѣ, Дону, Сѣверной Двинѣ, Уралу, Иртышу и другимъ. Маловодность рѣки Зарифшана зависитъ также, главнѣйшимъ образомъ, отъ того, что виды ея главнаго и побочнаго русла отводятся оросительными каналами, питающими богатые поля, которыя расположены по теченію этой рѣки. За то плодородіе этихъ странъ, составляющее основу благосостоянія и, сравнительно, мирныхъ нравовъ мѣстныхъ жителей, давно и постоянно привлекало всевозможныхъ завоевателей, которые, однакожъ, также быстро исчезали, какъ и появлялись, разнося по всей Средней Азійи громкую славу объ этихъ богатыхъ странахъ.

Теперешній Самаркандъ, о достопримѣчательностяхъ котораго мы поговоримъ въ слѣдующій разъ, пріютиль въ своихъ древнихъ стѣнахъ новыхъ завоевателей, которые, обладая могущественными средствами европейской цивилизаціи, должны внести въ отдаленныя страны Средней Азійи спокойствіе и благосостояніе, давно уже нужныя для прочнаго развитія народовъ, населяющихъ эти страны. Если для Россіи было въ свое время тяжело монгольское иго, то несомнѣнно, что, для средне-азійскихъ монголовъ, наше иго будетъ легко и благотворно, и христіанская терпимость смягчитъ мусульманскій фанатизмъ, такъ долго поддерживаемый въ народѣ безграничною нетерпимостью духовенства и эмировъ — политическихъ и духовныхъ владыкъ Средней Азійи.

Русскихъ правды въ эти страны важныя торговые интересы и, можно сказать, что здѣсь побѣдило не оружіе нашего солдата, но паровые станки и приводе нашихъ фабрикъ и заводовъ! Бухара, Ташкентъ, Хива, Самаркандъ и другіе торговые города, раньше чѣмъ узнали силу русскаго оружія, познакомились уже съ силой нашей мануфактурной производительности; раньше, чѣмъ наши среднеазійскіе подданные начали платить намъ государственныя подати, стали платить намъ дань за тѣ произведенія нашей промышленности, въ которыхъ они нуждались, внося эту дань въ видѣ шолка, хлопка, кожь, мѣховъ, шерсти и другихъ сырыхъ продуктовъ.

Утвердившись на крайнемъ Востокѣ и обезпечивая постепенно наши новыя владѣнія отъ безпокойныхъ соседей, мы, подобно тому, какъ и въ другихъ нашихъ восточныхъ владѣніяхъ, немедленно же организовали мѣстное управленіе, въ которомъ дано широкое мѣсто народнымъ обычаямъ и учрежденіямъ, смягчая, гдѣ можно, варварскія законы, порожденные крайнимъ дееспотизмомъ и грубостію взгляда на значеніе человѣческой личности.

Жители Самарканда, оказавъ въ первый моментъ сопротивленіе русскимъ войскамъ, въ настоящае время начинаютъ привыкать къ новому правительству, преимуществу котораго, въ сравненіи съ прежними туземными правительствами, они успѣли уже вполне оцѣнить. Торговля Самарканда начинаетъ увеличиваться; земледѣліе получаетъ новое развитіе, со введеніемъ тонковолокнистыхъ породъ хлопчатника; шолководство пользуется особымъ покровительствомъ русскихъ властей и обѣщаетъ значительное развитіе въ будущемъ.

Съ занятіемъ Самарканда, сношенія наши съ Бухарою и Боканомъ на столько обезпечены, что русскіе правительственные агенты и представители торговыхъ домовъ могутъ совершенно безопасно появляться въ предѣлахъ этихъ, еще такъ недавно недоступныхъ для европейцевъ, странъ. Теперь итѣ надобности, подобно извѣстному путешественнику Вамбери, принимать на себя тяжолому и опасную роль дервиша или хаджи, чтобы ознакомиться съ интересными странами среднеазійской жизни.

Русскіе въ Самаркандѣ живутъ преимущественно въ крѣпости, отдаленной отъ города небольшимъ гласисомъ. Въ самомъ городѣ находится власти военнаго-народнаго управленія, а также кушчи, промышленники и нѣкоторые ремесленники. Общество русскихъ на столько велико, что можно было устроить клубъ, посѣщаемый также и дамами, общество которыхъ высоко цѣнится въ этихъ отдаленныхъ странахъ. Въ Самаркандѣ находится также русская церковь — первый христіанскій храмъ въ этомъ священномъ для магометанъ городѣ, въ стѣнахъ котораго покоится прахъ великаго Тамерлана и гробница Тимура, изображенная на одномъ изъ нашихъ рисунковъ. Объ этой гробницѣ, о мечетяхъ, медресе и другихъ достопримѣчательностяхъ Самарканда поговоримъ въ слѣдующемъ очеркѣ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Березничная церковь.

Въ Гродненской губерніи, въ Слонимскомъ уѣздѣ есть богатое и промышленное мѣстечко, именуемое Ружаны. Названіе это происходитъ отъ польскаго слова *ружа* — по русски *роза*. Не надобно, впрочемъ, предполагать, что слонимскій уѣздъ носить на себѣ какой либо особенно замѣтный отпечатокъ польскости: вовсе итѣтъ; это — уѣздъ, сплошь населенный кореннымъ русскимъ людемъ, только въ весьма небольшой части окатоличеннымъ, ксендзами и панамъ; но несравненно значительнѣйшая масса крестьянства чисто православная. Старообрядцевъ въ слонимскомъ уѣздѣ вовсе итѣтъ; жидынякъ и литовцевъ тоже вовсе не имѣется. За то евреевъ много множество — какъ въ самомъ городѣ Слонимѣ, такъ и въ слишкомъ двадцати такъ называемыхъ мѣстечкахъ, составляющихъ поземельную собственность или казны, или частныхъ лицъ. Все мѣстечки кишатъ евреями, распространившимся здѣсь издавна и повившимся даже въ средѣ крестьянскаго населенія, а всего болѣе пріютившимся въ ближайшее соседство крестьянъ — въ помѣщичьи имѣнія, гдѣ они, при своей ленивости и при нахожденіи пановъ въ долгу какъ въ шелку, царятъ надъ всею, и надъ панами, и надъ панскими батраками — тѣми же крестьянами, но, безземельно, щипцами зароботковъ постоянныхъ у помѣщиковъ.

Названія этихъ мѣстечекъ во многихъ случаяхъ сильно ополчаны: древнее Датаво зовется Здзещцѣль, древніе Вязовцы зовутся Вендзевцѣ, стародавніе дворцы зовутся Двожцѣ и пр. и пр.

Казенное мѣстечко Ружаны тоже обильно заселено евреями. Все они мѣщане, платившіе за право пользования мѣстомъ для своихъ построекъ такъ называемый *отъчий* — *чинш*, или оброкъ, но теперь и они сдѣлались тоже землевладѣльцами, такъ какъ *плянчи* ихъ, то есть усадьбы съ огородами, переходятъ ими къ нимъ на правѣ полной собственности по выкупнымъ или такъ называемымъ люстраціоннымъ актамъ. Ружаны замѣчательны суконными фабриками.

Слонимскій уѣздъ былъ знаменитъ и до сего еще, говорятъ, славится великолѣпною «старою», старою водкой, до такой степени высокоцѣнной любителями и знатоками, что тѣ не просто пьютъ ее, какъ всякую чарку водки, а, такъ сказать, сосутъ и цѣдятъ связъ зубы, точно какой нибудь нектаръ. Осушная рыбка водки, дѣйствительно старой, въ продолженіи трехъ-четырехъ часовъ все еще издаетъ благоуханный запахъ самого чиста липца, липецкаго меда, не того меда, который, будто бы, готовится въ городѣ Липецкѣ, а того, для котораго пчелы всю сласть съ цвѣтовъ собираютъ въ мѣсяцъ липецъ. Особенно хорошъ липецъ, не въ видѣ варенаго меда, а натурой, въ Бѣловѣжской пушчѣ (пушча — дикій лѣсъ, сибирская тайга).

Для гастрономовъ слонимскій уѣздъ заманиваетъ не одной «старушкой», старой, старою водкой: старые меды штука тоже не посабная. Ну, конечно, съ несчастнаго 1863 года и старкіи, и итейныхъ медовъ многоюго такъ поспарились, многоюго поутекло въ русскіе желудки новоприбывшихъ ратныхъ людей и лицъ чиновнаго званія, но какъ меды водились и на Жмуди, то есть въ Ковенской губерніи, то и того и другого можно по малости отыскать даже и до сегодня, даже и въ продажѣ, даже въ самой Вильнѣ. Говорю «даже въ продажѣ», потому что въ здѣшней сторонѣ помѣщичьи паны все еще, какъ дикари, чуждаются торговли, а старка и питные меды только у помѣщиковъ и могли водиться. Здѣсь дичъ такая, что увидѣть помѣщичій продуктъ, какъ товаръ, въ продажѣ — сущая рѣдкость. Знаменитыхъ гродненскихъ, бѣльскихъ трифлей, волково-выскихъ и кобринскихъ сыровъ, въ родѣ «бри», пружанской манны самородной, дикихъ ковъ и досей въ правильной продажѣ вовсе нигдѣ не увидишь. Но вотъ, оправдываясь тяжестію тугихъ временъ, помѣщичьи паны въ торгъ дѣловую старку. Въ Вильнѣ есть магазинъ въ родѣ Петербургскаго *A la Réponse* — это Флорентини: у него бутылка этой водки продается по три рубля серебромъ. Въ одномъ изъ узенькихъ преузенныхъ жидовскихъ переулковъ Вильны, есть лавочка еврея Кашенельбогена: у него есть старый медъ по пяти рублѣй бутылочка. По этимъ цѣнамъ можно уже судить о достоинствѣ этого нектара.

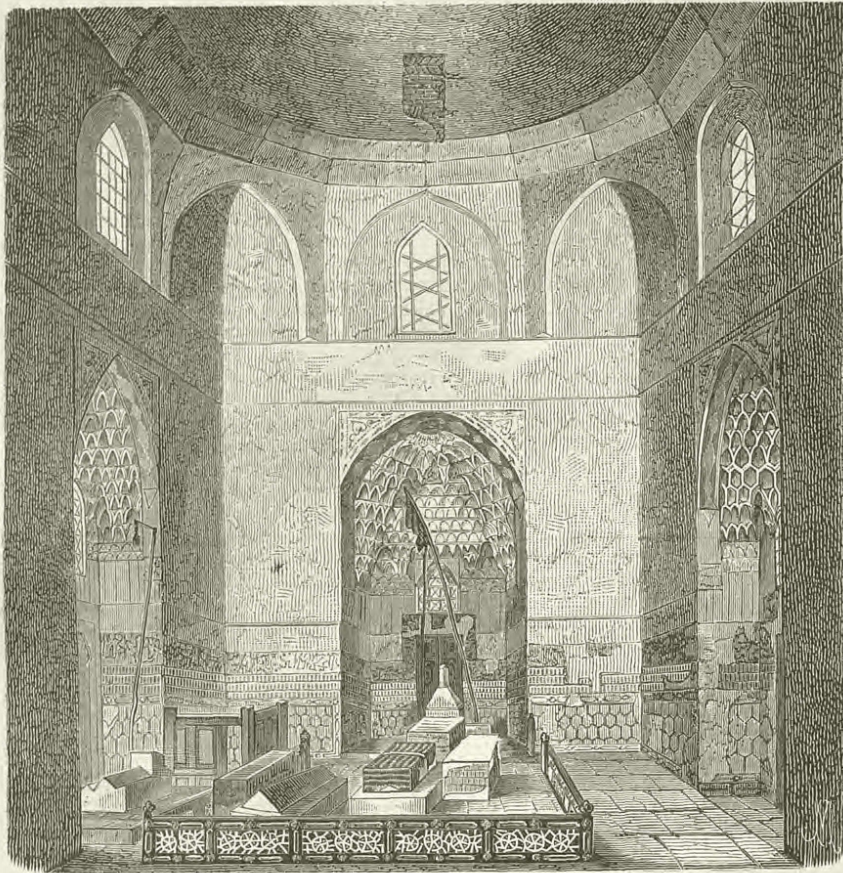
Богатъ слонимскій уѣздъ и дикими розами — (по польски *сирна*) доставляющими великолѣпное жаркое. Лось, кабанъ, тетери, куропатки, рябички — фу, Боже мой, что за бездна здѣсь дичи какой вамъ угодно и самого дикаго характера!

Въ трехъ-четырехъ верстахъ отъ Ружанъ есть

несколько обидным для Франции анахронизмом, так как плоды этого мнимого прогресса обнаружались слишком явно и оказались крайне безотрадны. Кроме г-жи Лагранж, наибольший эффект произвела в комедии Сарду г-жа Поль Эрнест, исполнявшая роль старой ханжи. Не смотря на живое еще в публике воспоминание о г-же Волянск, умная артистка сумела выдержать соперничество с своей гениальной предшественницей, ни сколько не уронив себя.

На иезицкой сцене единственною новостью за последнее время была трех-актная комедия Розена «Fromme Wünsche», которая, однако, по натянутости вымысла, не имела ни малейшего успеха. Сущность ее состоит в том, что молодой человек в разговор с приятелем выразил надежду полонить сердце одной богатой наследницы и разговор этот был неверно передан отцу ее, весьма свѣсивому богачу-фабриканту. Между тем, смѣлая эта надежда была высказана не тем юношей, которому ее приписывали, а другим, что первый и открывает как отцу, так и дѣвицѣ, присвоивши, что не имѣет даже ни малейшего желанія просить ее руки. Это подзадоривает ее самолюбие и она начинает им интелесоваться. На такую тему можно было бы написать что нибудь забавное и живое, но Розенъ обработал ее слишком небрежно и потому всѣ сцены въ его пьесѣ вышли притянутыми за волосы, вслѣдствіе чего и наводят на зрителя скорѣе уныніе, чѣм веселость. Артисты, при всемъ желаніи, не могли поддержать такого слабаго произведенія, которое и постигла вполне заслуженная имъ участь—то есть паденіе.

Статья наша была уже отослана въ типографію, когда въ Александринскомъ театрѣ происходило пер-

Самарандъ: Гробница Тамерлана въ мечети Гуримирѣ.

(Съ наброска Иванова, рисов. на дер. О. Май, грав. Л. А. Стряновъ).

вое представленіе новой комедіи А. А. Потѣхина «Въ мутной водѣ». Пьеса эта была напечатана въ прошедшемъ году въ «Отечественныхъ запискахъ», подъ названіемъ «Рыцари нашего времени» и теперь явилась въ нѣсколько сокращенномъ и измѣненномъ видѣ, съ перемѣною заглавія. Мы еще поговоримъ о ней подробнѣе въ слѣдующей хроникѣ, а теперь скажемъ только, что она имѣла успѣхъ и что авторъ нѣсколько

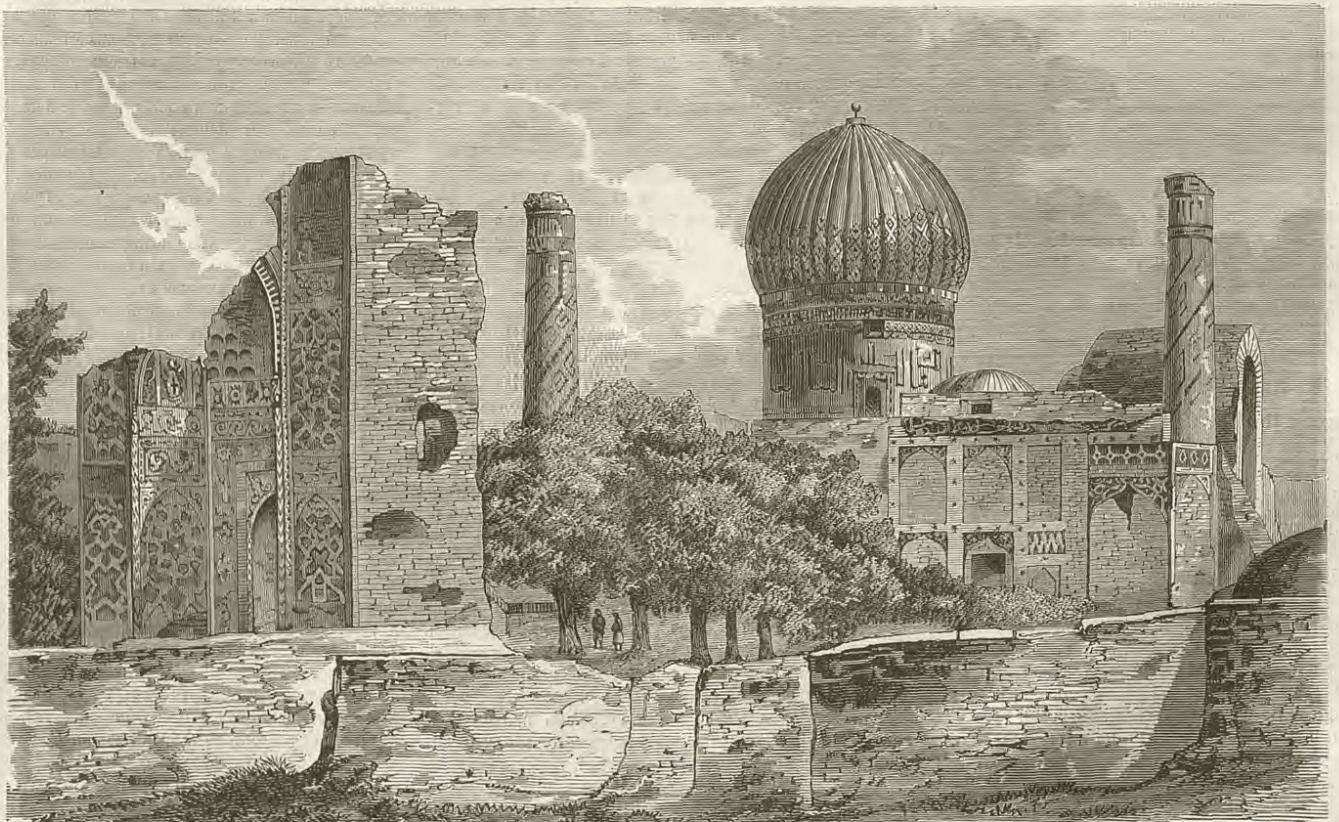
разъ весьма единодушно былъ вызванъ вмѣстѣ съ исполнительными главными ролей, между которыми особенно выдался г. Монаховъ, изображавшій русскаго юношу, обнѣмчившагося въ Дерптскомъ университетѣ. Въ цѣломъ, однако, комедія смотрѣлась довольно тяжело, чему не мало способствовали необыкновенно длинные антракты.

W.

МУЗЫКАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

За старымъ годомъ осталось еще нѣсколько музыкальных событій, о которыхъ мы не успѣли побесѣдовать съ читателями «Всемир. Иллюстр.» въ прошломъ своемъ обозрѣніи.

Начинаемъ съ «Амалатъ-Бека». Объ этой новой оперѣ г. Афанасьева писалъ уже нашъ предшественникъ; считаемъ, однако, не лишнимъ сказать о ней нѣсколько словъ и съ нашей точки зрѣнія. Опера эта «провалилась», какъ говорится, безслѣдно; публика приняла ее болѣе нежели холодно, музыкальная критика—далеко не благосклонно. Спрашивается: заслужили ли «Амалатъ-Бекъ» подобную участь? Конечно, нѣтъ. Г. Афанасьевъ, какъ извѣстно, въ продолженіи многихъ лѣтъ тщетно добивался отъ дирекціи постановки своей оперы, между тѣмъ, какъ та же дирекція не отказала въ этомъ автору такого музыкальнаго курьоза, каковъ «Вильямъ Ратклифъ»; ужъ одно это обстоятельство должно было заранѣе повредить г. Афанасьеву во мнѣніи большинства публики: «если, разсуждаетъ это большинство, дирекція не отказала г. Кью, а отказываетъ г. Афанасьеву, значитъ опера послѣдняго—ниже всякой критики». Г. Афанасьеву слѣдовало довольствоваться тѣмъ успѣхомъ, который могли бы имѣть отдѣльные отрывки изъ его оперы, испол-

Самарандъ: Мечеть Гуримирѣ.

(Съ наброска Иванова, рисов. на дер. А. Н. Нисченковъ, грав. Ф. Герасимовъ).

нейные на концертах; тѣмъ болѣе, что опера его, взятая въ цѣломъ, дѣйствительно не удовлетворяетъ многимъ требованіямъ. Что побудило, напримѣръ, г. Афанасьева строить «мужскую» роль Али, молочнаго брата Амалятъ-Бека, на сопрано и поручать къ тому же эту роль г-жѣ Дмитріевой? Г-ну Афанасьеву вѣдь должно же быть извѣстно, что для передачи мужскихъ партій женскимъ голосомъ, буде того потребуютъ сюжетъ и музыкальная архитектура оперы — существуетъ специальный женскій голосъ: контральто; неужели самъ г. Афанасьевъ, слушая своего черкеса Али, поющего дискантомъ, не перенесся воображеніемъ изъ Дагестана въ сикетинскую капеллу? Одна ошибка порождаетъ другую: для алты пришлось поневолѣ создавать вводную, совершенно лишнюю роль Эльмаза; такъ не проще и лучше бы развѣ было уже съ самаго начала слить обѣ роли Эльмаза и Али въ одну и поручить ее альтовому голосу? Второй вопросъ: къ чему эта жиденькая, едва замѣтная содагская струйка «какъ подъ яблонью», совершенно не ксати пропозывающая тамъ и сямъ остальную оперную фактуру? Такой пріемъ ужъ слишкомъ напоминаетъ адмиралтейскую площадь, съ ея битвами русскихъ съ ка-

Самаркандъ: Городскія ворота.

(Рисов. на дер. А. О. Аламовъ, грав. К. Вейерманъ).

бардинцами, рѣжетъ глазъ и оскорбляетъ чувство. Слѣдовало ввести въ оперу русскую жизнь цѣлкомъ и дать ей самостоятельное, характерное мѣсто, на подобіе того, какъ поступилъ Глинка съ польскимъ элементомъ въ «Жизни за Царя», или же — вовсе не задалась этою задачею. Но всего прискорбиѣе недостатокъ выдержки въ концепціи основнаго музыкальнаго плана. Г. Афанасьевъ, очевидно, стремился придать своей оперѣ восточный колоритъ; нѣкоторые фразы и мотивы дѣйствительно типичны и неподдѣльны; ихъ онъ разработалъ особенно тщательно и подчеркнул въ оркестрѣ довольно яркими красками;

а въ оперѣ — онѣ оскорбляютъ эстетическое чувство и здравый смыслъ. Мы привели самые крупныя недостатки оперы, которые поражаютъ всякаго толковаго слушателя, даже не особенно музыкально-образованнаго. Безпристрастія ради скажемъ теперь въ защиту г. Афанасьева, что недостатки эти все таки не на столько крупны, чтобы оправдать ту жестокую холодность, съ которою встрѣтила публика его оперу. Публика, которая съ такимъ ангельскимъ терпѣніемъ выслушиваетъ, даже наслаждается дожинными, на живую нитку сплоченными, операми новѣйшей итальянской школы, ужъ никакъ

но эти отдѣльными удачными мѣста исчезаютъ въ цѣломъ морѣ безцвѣтной капельмейстерской музыки, или же сталкиваются съ плагиативнымъ вдохновеніемъ самаго отчаяннаго итальянскаго стиля, и сталкиваются столь рѣзко, что ухо не рѣшается приписать подобную амальгаму творчеству одного и того же композитора. Трудно уловить себя, какимъ образомъ рѣшился напримѣръ г. Афанасьевъ сопоставить заунывную восточную пѣсню Эльмаза (во второй картинѣ третьяго дѣйствія) съ итальянскою каватиною Амалятъ-Бека; взятая отдѣльно, обѣ арии, какъ романсы, могутъ имѣть въ концертахъ успѣхъ,

а въ оперѣ — онѣ оскорбляютъ эстетическое чувство и здравый смыслъ. Мы привели самые крупныя недостатки оперы, которые поражаютъ всякаго толковаго слушателя, даже не особенно музыкально-образованнаго. Безпристрастія ради скажемъ теперь въ защиту г. Афанасьева, что недостатки эти все таки не на столько крупны, чтобы оправдать ту жестокую холодность, съ которою встрѣтила публика его оперу. Публика, которая съ такимъ ангельскимъ терпѣніемъ выслушиваетъ, даже наслаждается дожинными, на живую нитку сплоченными, операми новѣйшей итальянской школы, ужъ никакъ

Самаркандъ: Внутренность русской церкви.

(Съ наброска Иванова, грав. Л. А. Сѣряковъ).

Всёмирная иллюстрация

№ 109.

III ГОДЪ, ТОМЪ V. № 5.

30 Января 1871 года.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА НА ГОДЪ ВЪ РОССИИ:
Въ С.-Петербургѣ: безъ доставки . . . 12 р.
 съ доставкою . . . 13 р. 50 к.
Съ пересылкою въ другіе города 15 р.
Въ Москвѣ (у книгопродавцевъ Ив. Г. Соловьева,
 А. Ланга, М. М. Чернына и Б. Поста), безъ доставки 13 р. 50 к.

Журналъ **ВСЕМИРНАЯ ИЛЛЮСТРАЦІЯ** выходитъ
 еженедѣльно, въ форматѣ большого двойного листа
 въ 16 страницъ.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА НА ГОДЪ ЗАГРАНИЦЕЮ:
 1. Пруссія и Германск. Почтовый союзъ 16 р.
 2. Австрія и Румынія 16 »
 3. Бельгія, Швейцарія, и Сербія 17 »
 4. Франція, Швеція и Данія 19 »
 5. Англія, Испанія, Португалія и Турція 21 »
 6. Италія 19 »
 7. Сѣверные Американскіе соединенные штаты 21 »

Главная контора редакціи „ВСЕМИРНОЙ ИЛЛЮСТРАЦИИ“ (Германа Гоппе) находится въ С.-Петербургѣ, на Большой Садовой улицѣ, въ домѣ Ильина, № 16.

СОДЕРЖАНІЕ: Внутренняя и внѣшняя политика. — Новѣйшія извѣстія. — Вѣсти о войнѣ между Германіей и Франціей. — Разныя извѣстія. — Александръ Николаевичъ Сѣровъ. — Бордо. — Марія, королева испанская. — Корреспонденціи: 1) Изъ Кавани; 2) Изъ Чернигова; 3) Изъ Воронежа. — Цыганскій хоръ. — Самаркандъ (продолженіе). — Паровая мукомольная мельница коммерческаго агента военнаго министерства конкержи совѣтника Фейтмана. — Фельетонъ. — Общественно-историческія дневни. — Библиографія. — Новости науки и цивилизаціи. — Некрологи. — Шахматы. — Объявленія.

РИСУНКИ: Александръ Николаевичъ Сѣровъ. — Война между Германіей и Франціей: 1) Вылазка французовъ изъ Монъ-Валерена подъ Парижемъ; 2) Императоръ Вильгельмъ I посѣщаетъ раненныхъ въ Версальскомъ дворцѣ; 3) Французскій охотникъ за картофелемъ; 4) Театральная площадь въ Бордо. — Марія, королева испанская. — Хоръ цыганъ. — Наши заводы и мастерскія: Паровая мельница Фейтмана, въ С.-Петербургѣ III и IV (2 рис.). — Сцены и рисунки изъ книги «Живописная Японія»: 1) Театръ въ Иедо; 2) Бани въ Иедо.

Само собою разумѣется, что подобный образъ дѣйствія главы бордоской правительственной делегаціи долженъ былъ увлечь на ея сторону всѣхъ недовольныхъ. Въ Бордо, а вслѣдъ за тѣмъ и въ Лионѣ нынѣ уже громко толкуютъ объ образованіи комитета общественнаго спасенія (Comité du Salut Public), подъ предѣлательствомъ г. Гамбетты, и о продолженіи войны.

Нужно ли говорить о томъ, что все это создастъ невѣроятныя затрудненія для парижскаго правительства, заключившаго перемиріе и обязавшагося заставить всю страну подчиниться его условіямъ. Оно, правда, пробуетъ одолѣть Бордосскую оппозицію. Съ этою цѣлью, сначала было объявлено, что съ наступленіемъ перемирія полномочія бордоской правительственной деле-

ВНУТРЕННЯЯ И ВНѢШНЯЯ ПОЛИТИКА.

26 января 1871 г.

Въ нашей внутренней политикѣ не произошло за послѣдніе семь дней рѣшительно ничего, заслуживающаго быть занесеннымъ въ это еженедѣльное обозрѣніе.

Интересъ нашей публлки продолжаетъ сосредоточиваться на событіяхъ, знаменующихъ нынѣшній эпизодъ франко-германской войны, а потому, мы и считаемъ себя въ правѣ прямо перейти къ этому эпизоду.

Къ глубокому прискорбію нашему оказывается, что мы были совершенно правы, выражая въ прошедшій разъ нѣкоторыя опасенія на счетъ послѣдствій необычной формы, въ которой было заключено парижскимъ правительствомъ народной обороны перемиріе съ германскими войсками. Наши предположенія, по поводу роли, которую будетъ играть въ этомъ дѣлѣ провинціальный диктаторъ, г. Гамбетта, начинають, повидимому, сбываться. Вокругъ этого члена временнаго правительства группируются нынѣ всѣ недовольные условіями перемирія, и въ Бордо, не сегодня такъ завтра, можетъ образоваться новый правительственный центръ, который своими дѣйствіями можетъ сдѣлать бесполезною и сдачу Парижа, и мирные переговоры въ Версаи. Постараемся разсказать какъ можно короче, какимъ образомъ народилась и нависла надъ политическимъ горизонтомъ Франціи эта новая туча.

Мы уже сообщили въ прошедшій разъ, что, подъ влияніемъ перваго впечатлѣнія, произведеннаго на него извѣстіемъ о сдачѣ Парижа, г. Гамбетта подалъ въ отставку. Оказывается, что этотъ первый шагъ его не имѣлъ рѣшительно никакихъ послѣдствій, и что когда въ Бордо была получена депеша изъ Парижа, извѣщавшая о перемирії, глава бордоской делегаціи снова сталъ дѣйствовать въ качествѣ диктатора. Онъ обнаружилъ полученную депешу, сопровождая ея прокламаціей, въ которой заключалось козвенное порицаніе дѣйствій парижскаго правительства и перемирія объяснялось въ видѣ простаго приостановленія военныхъ дѣйствій, послѣ котораго борьба должна возобновиться съ новымъ ожесточеніемъ. На капитуляцію Парижа г. Гамбетта смотритъ, или притворяется, будто смотритъ, какъ на простую сдачу укѣпленнаго города, а на условія, заключенныя въ Версаи, какъ на условія, отнюдь не обязательныя для всей Франціи.

Александръ Николаевичъ Сѣровъ, † 20 января.
 (Рисов. на дер. П. Ф. Борель, грав. А. Дугель).

Цыганский хорь.

Передь читателями нашими картина, хорошо знакомая очень многим из них. Правда, золотое время цыгань закатилось; эти сотни тысяч, потраченных хоть бы в одномъ Петербургѣ на всякихъ Грушей и Маней, нашими молодцами и старыми барчуками, давно укатились отъ заведенія искусственныхъ минеральныхъ водъ съ холодными струями Невы и, говорятъ, много способствовали образованію наносовъ и отмелей у устья Невы... тѣмъ не менѣе еще живо преданіе, еще существуютъ, какъ самая Мани и Груши, такъ и барчуки, съ ихъ дырявыми карманами. Далеко по Россіи, въ Харьковѣ, Кіевѣ, Нижнемъ и Казани, забъжему путешественнику, остановившемуся въ лучшей гостиницѣ (лучшихъ гостиницъ въ нашихъ провинціальныхъ городахъ обыкновенно одна, остальные гораздо хуже), приходится натолкнуться, совершенно неожиданно, на хорь цыгань.

Усталый съ дороги, почти непремѣнно запоздавший на нѣсколько часовъ, благодаря нашимъ железнодорожнымъ порядкамъ, путешественникъ, умывшись и протрѣпавшись, входитъ въ столовый залъ, дабы обратиться къ съѣстной картѣ и прейсъ-куранту винъ. Въ ярко освѣщенной залѣ, какъ напримѣръ, въ Харьковѣ, освѣщенной газомъ сильно, даже неприятно сильно, за столиками, между публикою, сидятъ цыганки, болѣе или менѣе старыя. Старѣйшія непремѣнно въ длинныхъ платкахъ, черныхъ тальмахъ, — юнѣйшія, часто дѣйствительно хорошенкія, безъ тальма и въ пестрыхъ костюмахъ, съ сильными преобладаеміемъ краснаго цвѣта. Мужской персоналъ цыгань держитъ угловъ залы и своего собственного круга: этихъ господъ нѣтъ прямого расчета приглашать кушать и пить, они появляются на сцену только слѣдующимъ образомъ.

Кому нибудь изъ присутствующихъ, часто охмѣлевшему, приходитъ фантазія послушать цыгань. Это удовольствіе не дорогое. Собрать хорь и заставить его пропѣть три пѣсни, стоитъ 3 или 5 рублей. Кромѣ условныхъ трехъ пѣсенъ и заканчивающей ихъ пляски со вздергиваніемъ плечъ и судорожнымъ сжиманіемъ всей поверхности тѣла плянущихъ цыгане, обыкновенно, поютъ еще одну или двѣ граціонныя, даровыя пѣсни.

По данному знаку, разбросанные по залѣ участники хора приходятъ въ движеніе. Передь столѣмъ, за которымъ сидитъ заказавшій хорь, устанавливается полукругомъ рядъ стульевъ, за стульями вытягиваются во весь ростъ черноволосые цыгане, по стульямъ усаживаются цыганки, старухи въ центрѣ, раздаются звуки двухъ-трехъ гитаръ и пѣнье начинается.

Цыганское пѣнье такъ характерно, что оригинальность эта не требуетъ подтвержденія. Гиканье и возгласы, затягиванье долгихъ, долгихъ нотъ, неожиданное обриваніе мотивовъ, все это хорошо знакомо намъ, русскимъ, и не одна цыганская пѣсня стала у насъ народною и поется на Волгѣ и Днѣпрѣ со всевозможными вариантами текста и голоса. Болѣе всего любви и дороги цыганскія пѣсни въ провинціальныхъ саонахъ, гдѣ набожные тенора и хрипящие басы не разъ удивляютъ свои аудиторіи силой чувства и выразительностью декламации. Не одна провинціальная красавица сдалась стрѣлявшему въ нея взглядами счастливицу и счастливецъ чувствовалъ себя возвышеннымъ въ своихъ собственныхъ глазахъ силою цыганской пѣсни.

Въ Петербургѣ, гдѣ еще жива память знаменитаго Ильи, удовольствіе слышать цыгань стоитъ значительно дороже. На ужинъ и обѣды у Бореля и Дюссо — пригласить хорь цыгань, для того, чтобы потѣшить компанію и облегчить пище и виноваренію, — стоитъ отъ 100 до 150 руб. Многимъ господамъ подобная сумма ровно ничего не значить и цыганамъ приходится въ мѣсяцъ весьма и весьма крупный кушъ. Всежъ, кому случалось ужинать у Бореля, безъ цыгань, приходилось, конечно, слышать издали, изъ сосѣдняго номера, скачку и переливы цыганскихъ пѣсенъ. Часто слышны бываютъ всякія вкрививанія и не совсѣмъ музыкальнаго характера и далеко не оригинальныя...

Самаркандъ.

(Продолженіе).

Столица Тимура, прахъ котораго покоится въ стѣнахъ Самаркандъ, широко раскинулась среди цвѣтущихъ и богатыхъ пригородныхъ виллаховъ (хуторовъ), окружающихъ городъ съ трехъ сторонъ. Кругомъ, куда ни оглянешся, — роскошные виноградники, привезенныя рисовыя поля, фруктовые сады, въ

которыхъ привольно растутъ персики, абрикосы, груши, айва и гранаты; огороды съ душистыми дьями и огромными арбузами. Среди всей этой разнообразной зелени змѣются серебристыя арки, усаженные широкими шелковичными деревьями и провождающія съ ближнихъ горъ ручьи, питающія жадную и сухую въ лѣтнюю пору землю. Надъ всѣмъ этимъ возвышаются зубчатыя стѣны, окружающія городъ со всѣхъ сторонъ, стройныя минареты, широкіе и высокіе купола мечетей и медресе, арки городскихъ воротъ и большіе четырехугольники караванъ-сараявъ; между этими публичными зданіями стоятъ однообразныя массы частныхъ домовъ, прерываемыхъ садами, которыхъ, кажется, нигдѣ нѣтъ столько, какъ въ Самаркандѣ.

Въ прежнее время, когда купола мечетей и медресе блистали цвѣтными изразцами и высокіе минареты стояли прямо, не пошатнувшись отъ времени и землетрясеній, видъ на городъ былъ еще живописнѣе. Среди такихъ прекрасныхъ окрестностей и при вѣчно голубомъ небѣ житель Самаркандъ, сидя подь вечеръ на плоской крышѣ своего дома и любуясь картиною, развѣивающеюся у ногъ его, могъ, съ восторгомъ, которому не часто предается восточный человѣкъ, воскликнуть вмѣстѣ съ поэтомъ: «да, это рай земной!» Но европейца, требующаго прежде всего отъ города внутренняго комфорта, не способенъ слишкомъ увлечь живописный пейзажъ восточнаго города, такъ какъ ему по опыту извѣстно, что эта наружная красота скрываетъ такое отсутствіе всякихъ удобствъ, съ которыми на востокѣ нельзя примириться; и если европейское населеніе въ восточномъ городѣ начинаетъ увеличиваться, то оно всегда поселяется въ особомъ кварталѣ, съ домами и улицами, устроенными на европейскій ладъ. Въ настоящее время русская колонія только что успѣла кое-какъ пріютиться въ Самаркандѣ и едва начинаетъ обтравиваться; но не пройдетъ пяти-шести лѣтъ — и здѣсь, подобно тому, какъ въ Ташкентѣ, вырастетъ русской городъ.

По пространству, занимаемому Самаркандомъ, онъ кажется обширнѣе Бухары, такъ какъ окружающія его глиняныя стѣны имѣютъ тринадцать верстъ протяженія; но въ немъ много садовъ и отъ того онъ кажется болѣе широкимъ. Домовъ можно считать приблизительно болѣе шести тысячъ, при тридцатисычномъ населеніи. Городъ имѣетъ форму довольно правильнаго четырехугольника, на западной сторонѣ котораго выступаетъ отдѣльно цитадель, обнесенная особою, стѣною аршина въ три съ половиною вышины и сажени въ поперѣку у основанія; на верхнихъ стѣнахъ находятся зубцы и выступы, издали кажущіеся башенками, — это такъ называемыя бурджи, выведенныя въ уровень съ вершиною стѣнъ. Самаркандская цитадель — самая большая во всей Средней Азій; она имѣетъ въ окружности до трехъ верстъ и занимаетъ площадь болѣе десяти квадратныхъ верстъ. Тутъ находится мусульманское кладбище, нѣсколько мечетей, изъ которыхъ три передѣланы и превращены въ жилыя зданія для помѣщенія русскихъ. Въ цитадели же помѣщается и клубъ.

Русская церковь изиною отдѣлана внутри; особенно красивы церкви врата изъ алебастра, свѣтлагося насквозь. Церковь можетъ вмѣстить человѣкъ пятьсотъ.

Во дворѣ эмира находится синій камень, на который каждый эмиръ садился при торжественной обстановкѣ и, только возвѣвши на этотъ преслаутый камень, считалъ себя настоящимъ государемъ своего ханства. Русскій гарнизонъ, занимающій цитадель, состоитъ изъ двухъ батальоновъ линейной пѣхоты, трехъ сотенъ казаковъ, одной пѣшей батареи и полу-батареи наръзныхъ орудій и крѣпостной артиллерійской команды. Остатки крѣпостныхъ работъ, принадлежащихъ войскамъ Александра (Александра Манедискаго), видны впереди сѣверной части Самаркандъ. Здѣсь, по направленію къ берегу Зарифшана, лежитъ пустынное пространство, называемое Калан-Афрасіабъ, покрытое развалинами; дажъ, къ рѣкѣ, на пространствѣ пяти верстъ видны еще слѣды бывшаго здѣсь садоводства. На западъ видны также многочисленные развалины, несомнѣнно, оставшіяся отъ древняго Маракандъ. Но, въ прежнее время, какъ до Тимура, такъ и долго послѣ него, городъ занималъ гораздо болѣе пространство и былъ разбросанъ во всѣ стороны, сливаясь съ садами и полями окрестныхъ поселеній. Съ горъ Агалыкъ-Тау проведена вода, распределяемая по городу тремя арками, которые затѣмъ выходятъ за городскія стѣны и орошаютъ близлежащіе сады и огороды. Кромѣ того, въ городѣ находится нѣсколько прудовъ. Большая часть домовъ въ Самаркандѣ построена въ одинъ этажъ,

внутри нѣкоторыхъ домовъ находятся крытыя галереи, защищающія обитателей отъ лѣтней жары, по временамъ, невыносимой. Медресе (коллегіи, семинаріи) и караванъ-сарай выстроены въ два этажа; въ верхнемъ этажѣ медресе живутъ ученики, въ нижнемъ читаютъ лекціи. Нижний этажъ караванъ-сараявъ составляетъ кладовая для товаровъ, въ верхнемъ помѣщаются купцы и провожатые каравановъ. Большая часть медресе устроены внутри дворовъ мечетей, у входа въ которые находятся большія ворота, съ минаретами по сторонамъ. Эти зданія составляютъ лучшія украшенія Самаркандъ и доказываютъ большое искусство строителей. Не говоря объ огромныхъ размѣрахъ мечетей и медресе, о громаднхъ аркахъ, поддерживающихъ ширококозгнутыя купола, въ которыхъ соображены всѣ условія строительнаго искусства, — самыя стѣны и своды выложены узорчатыми изразцами синяго, зеленого и краснаго цвѣтовъ, сгруппированныхъ съ большимъ искусствомъ. На наружныхъ и внутреннихъ карнизяхъ куполовъ и на аркахъ, поддерживающихъ своды, вытѣся, выведенныя по изразцу, синіе стихи корана.

Но болѣеиство мечетей и медресе находятся въ самомъ жалкомъ видѣ: ворота и манары (минареты) попадали; своды обваливаются, и разрушеніе, начатое временемъ, землетрясеніемъ, дѣйтельно доканчивается людьми. У тамошнихъ храмовъ и коллегіи безцеремонно расположились лавочки торговцевъ. Послѣдніе, грязь и растаскиваніемъ кирпичей, увеличиваютъ и обезображиваютъ развалины, хотя, съ другой стороны, все это очень живописно, особенно на картинахъ такого искуснаго художника, какъ г. Верещининъ, познакомившій насъ въ прошломъ году съ сюжетами среднеазіяской жизни.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Паровая мукомольная мельница комерческаго агента военнаго министерства, комерціи совѣтника Фейгина.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ военное министерство, заботясь объ улучшеніи способа снабженія продовольствіемъ войскъ, вошло въ сношенія по этому предмету съ нѣсколькими лицами торговаго сословія и избрало ихъ своими комерческими агентами, заключивъ съ ними, на определенное число лѣтъ, въ видѣ опыта, контракты по снабженію войскъ хлѣбомъ; вслѣдствіе этого, кромѣ улучшенія и облегченія способа снабженія войскъ самымъ главнымъ предметомъ продовольствія, самый продуктъ этотъ, т. е. мука, доставляется войскамъ высшаго качества, потому что лица, взявшія на себя всю отвѣтственность за доброкачественность поставляемаго хлѣба, необходимо должны были взять на себя и самое приготовленіе муки, такъ какъ только при постоянномъ употребленіи одного и того же и притомъ наиболѣе совершеннаго способа обработки зерна можно достигнуть постоянства и однородности качества муки. Такимъ образомъ поставщики муки, для болѣе рациональнаго веденія дѣла, приступили къ устройству мельницъ.

Въ числѣ агентовъ, избранныхъ военнымъ министерствомъ, находится г. комерціи совѣтникъ Фейгинъ, взявшій на себя поставку хлѣба на войска с.-петербургскаго и части финляндскаго военныхъ округовъ. Размѣры предпріятія, начатаго г. Фейгинымъ, потребовали обширныхъ приготовленій; онъ, желая достигнуть полученія муки самого высшаго качества, занялся основательнымъ изученіемъ существующихъ способовъ устройства паровыхъ мельницъ; для чего ознакомился съ лучшими сооружеииями этого рода за границею, совѣтъвался съ лучшими авторитетами по этому дѣлу и затѣмъ приступилъ къ устройству въ С.-Петербургѣ паровой мельницы, которая бы вполнѣ соответствовала предначертанной цѣли. Въ началѣ минувашаго 1870 года мельница была окончена и пущена въ ходъ. Она находится на углу Измайловскаго проспекта и Обводнаго канала, напротивъ зданія путевого двора С.-Петербургско-Варшавской желѣзной дороги.

Такъ какъ устройство паровыхъ мельницъ вообще еще дѣло совершенно новое у насъ, въ Россіи, и такъ какъ мельница г. Фейгина заключаетъ въ себѣ образцовое соединеніе всѣхъ усовершенствованій по мукомольному дѣлу, то, мы считаемъ, что краткое ознакомленіе съ ея устройствомъ не будетъ безынтересно для нашихъ читателей. Само собою разумѣется, что при этомъ мы будемъ стараться не входить въ слишкомъ подробное специальное описаніе отдѣльныхъ частей мельницы.

Мельница помѣщается въ большомъ каменномъ четырехъ-этажномъ зданіи и приводится въ дѣйствіе двумя горизонтальными паровыми машинами (Rens et

Всемирная Иллюстрация

№ 110.

III ГОДЪ, ТОМЪ V. № 6.

6 Февраля 1871 года.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА НА ГОДЪ ВЪ РОССИИ:
Въ С.-Петербургѣ: безъ доставки . . . 12 р.
 съ доставкою . . . 13 р. 50 к.
Съ пересылкою въ другіе города 15 р.
Въ Москвѣ (у книгопродавцевъ Ив. Г. Соловьева,
 А. Ланга, М. М. Чернина и Б. Поста), безъ доставки 13 р. 50 к.

Журналъ **ВСЕМІРНАЯ ИЛЛЮСТРАЦІЯ** ВЫХОДИТЪ
 ЕЖЕНЕДЕЛЬНО, ВЪ ФОРМАТѢ БОЛЬШОГО ДВОЙНОГО ЛИСТА
 ВЪ 16 СТРАНИЦЪ.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА НА ГОДЪ ЗАГРАНИЦЕЮ:
 1. Пруссія и Германск. Почтовый союзъ 16 р.
 2. Австрія и Румынія 16 »
 3. Бельгія, Швейцарія, и Сербія 17 »
 4. Франція, Швеція и Данія 19 »
 5. Англія, Испанія, Португалія и Турція 21 »
 6. Италія 19 »
 7. Сѣверные Американскіе соединенные штаты 21 »

Главная контора редакціи „ВСЕМІРНОЙ ИЛЛЮСТРАЦІИ“ (Германа Гоппе) находится въ С.-Петербургѣ, на Большой Садовой улицѣ, въ домѣ Ильина, № 16.

СОДЕРЖАНІЕ: Внутренняя и вѣшняя политика. — Новѣйшія извѣстія. — Вѣсти о войнѣ между Германіей и Франціей. — Разныя извѣстія. — Парижскій ботаническій садъ и Булонскій лѣсъ во время осады Парижа. — Гавръ. — Самарандъ (продолженіе). — Крестное шествіе на Иорданъ. — Дея акварели принца Рейсса. — Ирбитъ. — Музыкальное обозрѣніе. — Театральная хроника. — Паровая мукомольная мельница въ С.-Петербургѣ, комерція совѣтника Фейгина (окончаніе). — Голубиная почта. — Начало сценическихъ представлений въ XVII вѣкѣ, въ Москвѣ. — Новости наукъ и цивилизаціи. — Сибѣйск. — Астрономическій календарь. — Некрологи. — Шахматы. — Гербъ Боярскихъ. — Объявленія.

РИСУНКИ: Война между Германіей и Франціей: 1) Булонскій лѣсъ послѣ осады Парижа; 2) Гавръ съ высоты птичьего полета; 3) Парижъ: Видъ бульваровъ послѣ капитуляціи. — Крестное шествіе на Иорданъ, 6 января, въ С.-Петербургѣ. — Акварели принца Рейсса, посла германскаго императора: 1) Возвращеніе съ медвѣжьей охоты; 2) Охота на Лося. — Наши заводы и мастерскія: Паровая мельница Фейгина, въ С.-Петербургѣ: 1) Зерноочистительные снаряды; 2) Вѣялки. — Видъ г. Ирбита, въ Сибири. — Гербъ Боярскихъ. — Прологъ и 2-й рис. 1-й сцены изъ комедіи «Будный сынъ», писанный въ 1685 году. (2 рисунка).

Война:—Булонскій лѣсъ послѣ осады Парижа.
 (Грав. А. Даугель).

когда нибудь предположить, что прекрасные экземпляры антилоп, рѣдких оленей, браминских быков, жирафов, слонов, медвѣдей и других, такъ дорого доставшихся ученымъ учреждениямъ и представлявшихъ собою живую иллюстрацію къ естественнымъ наукамъ, будутъ съѣдены наравнѣ съ лошадьми, ослами, собаками и кошками? Но голодъ не свой братъ и наука принуждена была пожертвовать своими дорогими животными, чтобы утолить голодъ тѣхъ сѣдыхъ людей, которые по этимъ животнымъ изучали естественныя науки или доставляли себѣ благодарное удовольствіе въ наблюденіи надъ наружнымъ видомъ и правами представителей различныхъ фаунъ.

То, что не погубило въ жаждущихъ голодныхъ парижанъ, оставлено на произволъ судьбы, за недостаткомъ пищи, топлива и пристра, и все это, когда то прекрасныя, загородки, равно и отдѣльныя галереи для разнородныхъ животныхъ Ботаническаго сада, опустѣли, и для этого образцоваго, научнаго заведенія наступила минута, которой никакъ не предвидѣлъ строитель солнечныхъ часовъ, помѣщающагося на куполѣ бельведера, написавшей таю смѣльную девизъ:

Horas non numero nisi serenas.

«Я обозначаю только ясные часы». И самое солнце измѣнило Парижу въ эти четыре мѣсяца тяжкой осады и покрывало туманомъ его громадную перспективу улицъ и площадей. Самый ботаническій садъ испытать больше другихъ потому, что находился подъ выстрѣлами южныхъ германскихъ батарей.

Не менѣе пострадалъ и Булонскій лѣсъ, но только не отъ выстрѣловъ съ нѣмецкихъ батарей, а отъ самихъ парижанъ, принужденныхъ вырубить прекрасныя деревья во многихъ мѣстахъ и въ томъ числѣ вокругъ знаменитыхъ прудовъ, падающихъ каскадомъ одинъ въ другой. Извѣстное мѣсто прогулки: «le tour des lacs», близъ котораго прогуливались антилопы и олени акклиматизаціоннаго сада, совершенно обнажено отъ деревьевъ и представляетъ одна сплошные лисы. Срубленные деревья Булонскаго лѣса пошли на крѣпостныя работы; обширныя поляны, живописно прерывавшіяся рощами каштановъ, дубовъ, кленовъ и проч., вытоптаны стадами быковъ и барановъ, кормившихъ парижское населеніе, и передвиженными войска, дѣлавшихъ съ этой стороны вылазы.

Булонскій лѣсъ представлялъ средоточіе всевозможныхъ удовольствій, достаточныхъ для того, чтобы наполнить самыми разнообразными воспоминаніями дневникъ путешественника. Здѣсь соединено было все, на что только способна изобрѣтательность французовъ къ изицизму. Кофейныя, рестораны, публичныя бани, скаковой бѣгъ на луку Лонпанъ съ его историческою мельницею, остатками древняго монастыря, построеннаго Паббеллою, сестрою Людовика Святого и, въ заключеніе, цвѣточный садъ—Pré Catelan, съ его воздушнымъ театромъ и прогулками верхомъ и въ блестящихъ экипажахъ, при звукахъ музыки оркестра Сакса, памятны каждому посѣтителю Парижа. Особенно привлекаетелемъ былъ для всѣхъ, парижанъ и иностранцевъ, «Pré Catelan»; и чего тутъ въ самомъ дѣлѣ не было: швейцарскіе шале съ молокомъ и разными лакомствами; фотографическіе павильоны, гадалышки и гадалыцины въ фантастическихъ гротахъ, всевозможныя игры, театръ съ постоянно бьющимъ каскадомъ, падающимъ со скалы, увѣчанной деревьями и все это среди вѣчно цвѣтущихъ растений и кустарниковъ, которые не успѣвали вынуть подъ присмотромъ неутомимаго антрепренера этого преледнаго загороднаго гулянья.

Пробивавъ къ этому, что самая дорога въ Булонскій лѣсъ идетъ черезъ живописныя «Балсейскія поля», вдоль которыхъ тянутся великолѣпныя дома, затѣмъ, проходить подъ триумфальною аркою Звѣзды, превращающей въ настоящую мицуту въ укрѣпленное мѣсто; а далеко, на западѣ, за предѣлами городской стѣны и крѣпостныхъ валовъ, окружающихъ Булонскій лѣсъ, возвышается грозный редутъ Мон-Валерьянъ, долженствовавшій играть такую важную роль при защитѣ Парижа и сданный въ настоящее время, вмѣстѣ съ другими фортами, войскамъ германской арміи.

Гавръ.

Гавръ существуетъ немного болѣе 300 лѣтъ. Въ 1509 году на мѣстѣ этого города находилась небольшая рыбацкая деревня, вблизи которой завывались дѣя укрѣпленная башня, вѣзлая англичанами въ царствованіе Карла VII. Людовикъ XII угадалъ важное значеніе этого мѣста, какъ гавани и какъ укрѣпленія при устьѣ Сены, по водамъ которой англичане не разъ уже вторгались въ предѣлы Франціи, а потому началъ постройку города. Позднѣе, въ царствованіе

Франциска I, предприняты были обширныя работы для того, чтобы оградить городъ отъ наводненій. Къ этому же времени относится и первая укрѣпленія Гавра. Генрихъ II и Людовикъ III усилили укрѣпленія бастіонами, а при Людовикѣ XIV воздвиглась въ Гаврѣ сильная цитадель, подвергавшаяся тщетной осадѣ со стороны англичанъ въ 1694 году и въ 1798. Съ теченіемъ времени городъ все увеличивался, а гавань получала большее и большее значеніе. Наполеонъ I, сознавая важное значеніе Гавра, приказалъ снабдить его еще сильнѣйшими укрѣпленіями и тройнымъ поясомъ валовъ и рвовъ. Въ 1839 году, на увеличеніе гаврскаго бассейна ассигновано было 6 миліоновъ франковъ.

Гавръ, въ настоящее время, какъ торговый портъ, имѣетъ значеніе на равнѣ съ Марселемъ и имѣетъ 70,000 жителей. Одна часть его древней постройки отличается кривыми узкими улицами, другая же замѣчательна правильностью постройки, широкими прямыми улицами. Въ Гаврѣ родились поэты Бернарден-де-Сен-Пьеръ и Казимиръ Делавинъ, статуи которыхъ служатъ украшеніемъ площади Комеди. Въ числѣ зданій замѣчательна древняя башня Франциска I, гаврская морская арсеналь, ратуша, зданіе таможенъ и купальня Фраскати. Въ Гаврѣ существуетъ гидрографическая школа, общество рыбной ловли, посылающее ежегодно нѣсколько сотъ судовъ для ловли китовъ и трески, — нѣсколько пароходныхъ компаній. Гаврская морскія купальни пользуются извѣстностью во Франціи. Корабельныя веревы, якорныя фабрики и механическія дѣлосилы занимаютъ нѣсколько тысячъ рабочихъ рукъ; кромѣ того, въ городѣ находится нѣсколько сахарныхъ заводовъ, парусныхъ фабрикъ, канатныхъ, табачныхъ фабрикъ, нѣсколько механическихъ и другихъ заводовъ. Гавръ, по положенію своему при устьѣ Сены, можетъ называться гаванью Парижа. Самая гавань, представляющая собою совершенство подобныя сооруженій, защищается нѣсколькими фортами и соединяется съ бассейнами, доходящими до центра города и вмѣщающими въ себѣ корабли въ 600 и 700 тоннъ. Ежегодно въ Гавръ прибываютъ до 13 или 14,000 кораблей. Таможенный сборъ ежегодно составляетъ сумму до 40 миліоновъ франковъ. Ежегодно вывозится товару на 50—60 миліоновъ франковъ.

Самарандъ.

(Продолженіе).

Въ этой части Средней Азіи весьма нерѣдки землетрясенія, которыя случаются обыкновенно весною и сопровождаются сильными грозами. По народному преданію, возвышенности Чунанъ-Ата, господствующія надъ Самарандомъ, выросли въ одну ночь по волю Аллаха, разгнѣвавшагося на жителей и выдвинувшаго передъ ними громадную массу, которая скрыла отъ ихъ испуганныхъ взоровъ разстилающуюся далеко равнину. Въ 1823 году землетрясеніе разрушило манары медресе Жаугъ Бега. Не дабѣ, какъ два года тому назадъ, въ мартѣ 1868 г., въ Ташкентѣ и Самарандѣ было землетрясеніе. Въ Бухарѣ между народомъ утвердилось повѣрье, что начало всякаго года, считающееся со дня весенняго равноденствія, должно непременно сопровождаться землетрясеніемъ, и бухарцы, чтобы убѣдиться въ этомъ, втыкаютъ въ землю наканунѣ этого дня ножикъ и считаютъ начало новаго года съ того момента, когда ножикъ упадетъ отъ собственной тяжести или отъ колебанія земли. Во всякомъ случаѣ, какъ преданіе о гнѣвѣ Аллаха, который, въ наказаніе своему народу, повелѣлъ подземнымъ силамъ

Грозы горы нагромоздить,
Чтобъ путь на сѣверъ затрудить
Звѣздамъ, козующимъ съ востока,

такъ и описанный нами обычай указываетъ, что среднеазіискій горный узелъ, отроги Тянь-шаня и Гиндукуша, подвержены частымъ колебаніямъ, разрушительное дѣйствіе которыхъ отразилось на высокыхъ зданіяхъ Самарканда, лежащаго вблизи этихъ горныхъ отроговъ.

Изъ замѣчательныхъ мечетей и медресе, мы можемъ указать на Хаджи-Охраръ, Тиллякяри, Биби-Ханымъ, Ширдаръ, Гуремиръ и Шахи-Зинда. Первое мѣсто между ними занимаетъ мечеть Биби-Ханымъ, построенная одною изъ жонъ Тимуръ-Ланга—китайскою принцессою Ханымъ. Для постройки ея были вызваны изъ Китая искусные художники и архитекторы. Храмъ этотъ занимаетъ обширное пространство и состоитъ изъ трехъ мечетей, соединенныхъ между собою четырехугольною постройкою, въ которой помѣщаются келін и аудиторіи одного изъ самыхъ большихъ медресе. Главныя входныя ворота были когда то вылиты изъ бронзы и покрыты надписями и арабесками. Впоследствии какой-то изъ бездѣльныхъ владѣльцевъ Бухары перемѣнилъ эти ворота въ монету, и самыя стѣны Би-Ханымъ, во многихъ мѣстахъ, развалились. Лучше всѣхъ сохранился западный куполъ; стѣны покрыты изразцовой мозаикой, поражающей своею пестротой, при чомъ рисунокъ сдѣланъ весьма искусно и отличается своеобразнымъ

вкусомъ. Лазурь и золото мѣстами еще такъ свѣжи, какъ будто наведены на стѣны сегодня и это тѣмъ замѣчательнѣе, что большая часть украшеній состоитъ изъ позолоченной и наклеенной бумаги, не поблекшей, благодаря сухой климату, въ теченіе шести столѣтій. Посрединѣ купола помѣщается огромный столъ изъ блага мрамора, на девяти невысокихъ ножкахъ. Столъ этотъ обращенъ къ югу, за которымъ находилось закрытое помѣщеніе жены Тимуръ—Ханымъ; на немъ лежалъ огромный коранъ, на пергаментныхъ листахъ котораго была написанъ законъ Мохамеда, для того, чтобы супруга повелителя правобѣрныхъ могла читать изъ своего окна. Въ настоящее время бухарцы полагаютъ, что столъ этотъ обладаетъ цѣлебною силою и вѣрятъ въ то, что, кто пролѣзетъ подъ нимъ, тотъ на всю жизнь избавится отъ боли спины, въ особенности если эта спина была расписана арабесками знаменитой *дары* — колоссальной пласти, имѣющей форму плоской доски, изъ эластической кожи и приготовленной по всѣмъ правиламъ шаріата.

Недалеко отъ Биби-Ханымъ, указываютъ на гробницу любимой жены Тимуръ; но гробница эта едва замѣтна, потому что представляется безобразною кучу развалинъ. Тутъ же, за предѣлами городскихъ стѣнъ, раскинулось обширнае развалины дворца Тимуръ—Хозрати-Шахи-Зинда, куда прежніе владѣтели Самарканда отправлялись на поклоненіе и затѣмъ уже совершали свой торжественный въѣздъ въ городъ. Уцѣлѣвшія мѣстами мозаичныя и изразцовыя украшенія едва напоминаютъ прежнюю роскошь; разныя части дворца, въ особенности западный фасадъ его, расположены очень красиво; все это было окружено садами, украшенными фонтанами и ручьями, а теперь покрыто разрушенными обломками, заросшими травой и кустами.

На восточной части Самарканда находится священная гробница Тимуръ—Турети-Тимуръ. Этотъ небольшой мавзолей увѣчанъ красивымъ куполомъ и окруженъ стѣною съ высокими воротами, по обѣимъ сторонамъ которыхъ возвышаются также купола. Внутренность зданія имѣетъ осмиугольную форму и состоитъ изъ двухъ комнатъ; полы устланы бѣлымъ мраморомъ; стѣны покрыты изящными голубыми арабесками и золотыми изрѣченіями изъ корана, составляющими вмѣстѣ фантастическій рисунокъ, отъ котораго нельзя оторвать глазъ. Гробъ Тимуръ находится во второй комнатѣ; онъ окруженъ прорѣзью мраморной рѣшеткой, состоитъ изъ темно-зеленаго камня—яшмы и имѣетъ форму усѣченной пирамиды, въ три фута вышины и до шести футовъ длины, образцовой основаніемъ вверху. Камень этотъ раскололся на двое во время перевозки его, послѣ взятія Самарканда Шахъ-Надиромъ. Надъ гробницею Тимуръ стоитъ шесть со знаменемъ. Такія знамена ставятся надъ памятниками всѣхъ восточныхъ святыхъ; правобѣрные, приходя на поклоненіе ко гробу чтимаго ими человѣка, увѣчиваютъ шесть разными приношеніями, состоящими изъ разныхъ кусочковъ матеріи. Вокругъ гробницы Тимуръ, расположены надгробныя памятники изъ блага мрамора членовъ его семейства, а также гробница любимаго учителя его Мира-Санде-Берке. У гробницъ лежатъ коранъ и другія священные книги, по которымъ днемъ и ночью читаютъ мурлы. Узкая дѣстица ведетъ въ склепъ, также покрытый арабесками, гдѣ стоятъ гробницы Тимуръ и другихъ. Тутъ же находится драгоцѣнный коранъ, начертаніе котораго приписываютъ второму Калифу Осману, бывшему секретаремъ пророка. Этотъ коранъ пользовался огромною извѣстностью между бухарцами, но скрывался тщательно отъ взоровъ даже самыхъ правобѣрныхъ, изъ опасенія, чтобы его не похитили.

Жалкое состояніе, въ которомъ находятся въ настоящее время лучшія и самыя большія мечети, слѣдуетъ главнѣйшимъ образомъ приписать тому, что доходитъ съ духовныхъ имуществъ (вакуфовъ) идетъ почти весь на содержаніе санишомъ многочисленнаго и туеяднаго духовенства. А доходы вѣкоторыхъ мечетей даже и теперь весьма значительны, такъ напримеръ, вакуфъ Хаджи-Охраръ доставляетъ ежегоднаго дохода до пятидесяти тысячъ кокановъ, или десяти тысячъ рублей. Кромѣ того, при вѣкоторыхъ мечетяхъ находится до сорока келій для мурлы и шпановъ—людей святой жизни, занимающихся исключительно созерцаніемъ Аллаха и, разумеется, не производящихъ ничего, кромѣ фанатическихъ безобразій.

Въ Самаркандѣ находилась прежде знаменитая бібліотека, помѣщавшаяся въ особомъ зданіи; въ ней, какъ полагаютъ ученые армяне, находилось большое собраніе древнихъ армянскихъ книгъ. Но какъ эта

библиотека, так и здание ее исчезли безследно, также, как славившиеся в свое время высшее училище — Калиндеръ-Ханы и обсерватория — Мирза-Уаудъ, на которой, впрочем, дѣлались не астрономическія, но астрологическія наблюденія и предсказанія, въ которыя на Востоку вѣрятъ отчасти до сих поръ.

Самаркандъ ведетъ довольно обширную торговлю хлопкомъ, шолкомъ, хлѣбомъ, шеницею и рисомъ, — кожами, фруктами, лошадьми, баранами, ослами и мулами. Рисъ и шолкъ идутъ преимущественно въ Бухару; хлопокъ направляется черезъ Ташкентъ въ Россію. Изъ горныхъ округовъ, лежащихъ на югъ отъ Самарканда, Шагри-Сабза, на самаркандскіе базары привозятъ превосходные фрукты, гранаты и гранатовую корку, идущую на краску; шеничная мука, коконы и матерія, шитыя шолкомъ, получаются изъ города Китапа; соль привозится изъ Гуссара. Русскіе товары находятся пока еще въ незначительномъ количествѣ, такъ какъ мы еще недавно установились въ этой мѣстности; но впоследствии, черезъ Самаркандъ пойдутъ значительные караваны, съ произведеніями русскихъ фабрикъ и заводовъ, на Коканъ, Кашгаръ и Яркендъ. Желательно было бы только, чтобы русскіе, живущіе въ Самаркандѣ, были предприимчивѣе и не теряли бы времени обратить вниманіе на наши торговныя сношенія съ Средней Азіей, которая, впрочемъ, и теперь изъ года въ годъ принимаютъ все большіе и большіе размѣры.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Двѣ акварели принца Рейсса.

Посоль императора германскаго при русскомъ императорскомъ дворѣ, принцъ Рейссъ, позволялъ намъ сдѣлать два рисунка съ его акварелей. Принцъ Рейссъ — художникъ, посвящающій свои досуги изображенію различныхъ сценъ охоты и звѣрщины, на сколько она касается охоты. Принцъ пишетъ весьма быстро, съ замѣчательною легкостью, что особенно кстати при изображеніи тѣхъ быстрыхъ, едва уловимыхъ, моментовъ, которыми полна всякая удающаяся охота. Надобно сознаться, что всякому охотнику въ Россіи раздолье. При умѣнии подобрать хорошихъ стрѣлковъ, любящихъ и знающихъ свое дѣло, при возможности не стѣсняться въ средствахъ, — успѣхъ охоты почти несомнѣненъ; само собою разумѣется, не надобно искать невозможнаго и соображаться съ мѣстностью и временемъ года.

Принцъ Рейссъ охотникъ знающій свое дѣло и страстно любящій его. Акварели его, съ этой точки зрѣнія, должны имѣть особенную цѣну и мы много благодарны принцу за дозволеніе подѣлиться съ читателями нашими тѣми двумя образцами, которые представляемъ сегодня. Талантъ принца, какъ акварелиста, давно знакомъ тѣмъ кружкамъ пестербургскаго высшего общества, въ которыхъ князь, по званію своему и положенію въ свѣтѣ, постоянно обращается, — но для большинства онъ остается болѣе или менѣе неизвѣстенъ. Мы надѣемся, со временемъ, напечатать и еще что нибудь изъ его работъ, весьма чистыхъ и болѣею частью удачныхъ.

Крестное шествіе на Иорданъ.

Изъ всѣхъ европейскихъ дворцовъ, Русскій — безспорно, болѣе блестящій, поражающій иностранца своими размѣрами и великолѣпьемъ; блескомъ и разнообразіемъ своихъ музеевъ, дворъ нашъ придаетъ ту особую торжественность и величіе, которыми отличаются наши парадныя процессіи и празднества, а въ тѣхъ изъ нихъ, въ которыхъ участвуетъ духовенство, какъ празднество 6 января, картина становится истинно поразительною. Въ день Богоявленія, 6 января, повторилось и въ нынѣшнемъ году торжество прошлогоднее и съ такимъ же блескомъ; послѣ литургіи, совершенной въ Большой Церкви Зимняго дворца, послѣдовалъ торжественный крестный ходъ на Иорданъ. Къ десяти съ половиною часамъ утра, войска, назначенныя для парада, заняли свои мѣста въ залахъ Зимняго дворца: взводы полковъ гвардейской кавалеріи и собственного Его Величества коновъ — въ тербовой залѣ, взводы военно-учебныхъ заведеній и полковъ л.-гв. преображенскаго и л.-гв. семеновскаго — въ фельдмаршальской залѣ, взводы л.-гв. пзмайловскаго и л.-гв. гатчинскаго полковъ — въ малой аванзалѣ. Взошли всѣхъ остальныхъ частей гвардіи и войскъ с.-петербургскаго военного округа въ нижнемъ корридорѣ, вѣдущемъ въ министерскому подъѣзду. Къ 11-ти часамъ утра собрался всѣ знатныя особы, а также не участвующіе въ строю гене-

ралы, штабъ и оберъ-офицеры гвардіи, арміи и флота и заняли свои мѣста въ Помпеевской галлерей и Николаевскомъ залѣ. Государь Императоръ, подозрѣвавшій съ войсками, изволивъ войти въ церковь, гдѣ совершена была литургія, по окончаніи которой двинулся крестный ходъ по вышеупомянутымъ заламъ Зимняго дворца, по пути расположенія войскъ, чрезъ нижній корридоръ, на набережную Невы.

Впереди шли камеръ-фурьеры, за ними, въ бѣлыхъ ризахъ, многочисленный клиръ, по чинамъ духовной іерархіи, съ чудотворными иконами и хоругвями; за духовенствомъ изволивъ шествовать Государь Императоръ, сопровождаемый многочисленнымъ свитомъ. Въ нижнемъ корридорѣ присоединялись штандарты и знамена всѣхъ полковъ и послѣдовали за духовнымъ шествіемъ, для ихъ окропленія.

Величественное зрѣлище, во всей полнотѣ своей святыни, представилось безчленнымъ толпамъ, которыя, не смотря на сильный морозъ, давно уже собрались помолиться, когда началось шествіе.

Освятивъ воду, митрополитъ окропилъ воинскія знамена и крестный ходъ сталъ обратно направляться къ Зимнему дворцу и послѣдовалъ тѣмъ же порядкомъ. Д.

Музыкальное обозрѣніе.

Смѣшно и досадно видѣть, съ какимъ тупымъ пренебреженіемъ и предвзятымъ непониманіемъ русская музыкальная критика, а вслѣдъ за ней русская публика — отнесенъ въ одному изъ лучшихъ произведеній чешской музыки. Въ концѣ прошлаго декабра появилась въ «Голосѣ» красивая замятка, присланная изъ Праги, о новой оперѣ «Проданная Невѣста», сочиненія чешскаго композитора Сметаны, первого капельмейстера чешской оперы въ Прагѣ. «Оперу эту, сказано было въ замяткѣ, г. Палецекъ выбралъ для своего бенефиса: пожелаемъ отъ души, чтобъ выборъ его оказался счастливымъ. Опера г. Сметаны считается лучшимъ произведеніемъ чешскаго искусства. Русская публика получитъ возможность познакомиться и съ чешскою музыкою и съ нѣкоторыми чертами чешской народной жизни; она увидитъ, напримеръ, довольно оригинальные народныя танцы этого славянскаго племени» и затѣмъ слѣдовала краткая біографія г. Сметаны въ концѣ замятки сказано: «Проданная Невѣста» очень понравилась чешской публикѣ и Палецекъ, своимъ голосомъ и игрою много содѣйствовалъ тому, что эта опера вскорѣ сдѣлалась самою популярною. Дирекція русской оперы, какъ мы слышали, отлично обставила это, чисто чешское, музыкальное произведеніе. Остаеся пожелать, чтобы первая чешская опера, даваемая на маринской сценѣ, не осталась послѣднею; мы искренно порадуемся, если другія чешскія оперы сдѣлаются одними изъ любимѣйшихъ у русской публики.» Русская публика все это приняла къ свѣдѣнію, пошла толки и перетолки, билеты на первое представленіе брались на расхватъ; удивляться тутъ, впрочемъ, не чему: бенефисъ и первое представленіе новой оперы всегда привлекаютъ особенно многочисленную публику; такъ и случилось 30 декабря. Но за тѣмъ случилось уже нѣчто не совсѣмъ обыкновенное, особенно на маринской сценѣ: опера г. Сметаны удостоилась, по видимому, полнаго, несомнѣннаго успѣха. Начиная съ увертюры, почти всѣ номера встрѣчались самыми дружными рукоплесканіями, многіе повторялись, вызовалъ не предвидѣлось съюта и конца, бенефицианту поднесены были два вѣнка, опера пронеслась среди самаго радостнаго, веселаго, праздничнаго настроенія.

Увы!... все это былъ сонъ, обманчивый, горькій сонъ. Г. Ростиславъ, рецензентъ «Голоса» (№ 9) и г.***, рецензентъ «С.-П. Вѣд.» (№ 6) разверзли всѣмъ очи и снали русскую публику отъ ложнаго увлеченія. Успѣхъ оперы г. Ростиславъ, напримеръ, называетъ лишь желаніемъ публики оказать полное вниманіе въ произведенію пражскаго капельмейстера, за радужный пріемъ, сдѣланный въ Прагѣ Глинкѣ. Г-ну Ростиславу не вѣрится, чтобы Прага могла выдавать за лучшее выраженіе искусства легкомую, комическую оперу, гладко написанную, но неотличающуюся (по мнѣнію г. Ростислава) ни особеннымъ мелодическимъ вдохновеніемъ, ни богатствомъ вымысла, ни разработкою музыкальныхъ мыслей, ни замѣчательною оркестровкой. Все это голословно — безъ малѣйшихъ доказательствъ; да и доказать было бы трудно. Г-ну Ростиславу кажется, затѣмъ, что музыка Сметаны *кипитъ* (забытые) весельемъ, но весельемъ *напускнымъ*; почему это г-ну Ростиславу кажется — неизвѣстно. Подобнаго же рода «карикатурныя» сужденія, съ примѣсною и смелого на нѣкоторые мелочныя недостатки сметановской музыки, находимъ мы

и въ рецензіи г.***. Выписывать не станемъ — скучно; скажемъ только, что оба критика особенно усердно нападаютъ на либретто оперы, или, вѣрнѣе, на русскій переводъ онаго, въ чомъ, конечно, и самъ Сметана не станеть ихъ оспаривать: если судить объ операхъ по ихъ либретто, то ни въ одной оперѣ не останется живого мѣста.

Все это озадаило русскую публику чрезвычайно: какъ не вѣрить тому, кто громче другихъ кричитъ, а главное — порицаетъ? До самостоятельности собственного сужденія вѣдь мы еще не доросли, и отставлять его не смѣемъ. Театръ опустѣлъ; на слѣдующія представленія царствовала мертвая тишина. Неужели публика дѣйствительно убожалась и устыдилась своего перваго порыва? Неужели она не поняла, что мелочными придирками легко обобщать самое художественное произведеніе, но, что раздѣ такое художественное произведеніе, въ продолженіи цѣлаго вечера, увлекало и радовало нѣсколько сотенъ слушателей, то уже потому самому оно не есть «пустынная и вздорная опера», какъ обозвалъ г.*** «Проданную Невѣсту»? Неужели г. Ростиславъ, этотъ старый и опытный критикъ, не замѣтилъ, что среди всѣхъ фальши, натянутости и безспяности, нервной жолчи новѣйшей западной музыки, опера Сметаны является громкимъ свидѣтельствомъ о будущности и мощи славянской музыки? Неужели не замѣтилъ онъ въ раскатахъ увертюры, въ ритмическихъ движеніяхъ танцевъ и ихъ оркестровкѣ, въ складѣ мелодій, въ употребленіи деревянныхъ духовыхъ инструментовъ (особенно фагота) и т. д. безсмертнаго почерка Глинки? Развѣ не повѣяла на него свѣжая, славянская струя и не свѣяла его слуха отъ той музыки, которую покойный Стрѣвъ передъ смертью успѣлъ такъ удачно обозвать *тримасою*? Нѣтъ, справедливость требуетъ отдать г. Сметанѣ должную честь за то, что онъ, первый изъ всѣхъ новѣйшихъ славянскихъ композиторовъ, рѣшился смѣло и откровенно вступить на тотъ широкій путь, который открытъ славянскому искусству твореніями Глинки. Его мелодіи взяты прямо изъ народнаго чешскаго творчества, или же созданы въ томъ же складѣ и ладѣ; онъ нигдѣ не отрывается отъ родной почвы, отъ народнаго кругозора; вся опера пронизана цѣлымъ, могучимъ духомъ чешской народности; онъ не боится своей мелодіи, не тунуется, не мнетъ, не давитъ ее, а относится къ ней свято, какъ въ народному достоинству, и старается вылить ее въ возможно свѣтлую и изысканную форму; для этой цѣли онъ пользуется всеми научными средствами искусства, на сколько можетъ и умѣетъ, на сколько хватаетъ у него вдохновенія, воображенія и таланта — и пользуется, не къ стыду будь сказано, удачнѣе и умнѣе, нежели наши русскіе фабриканты разныя ратификцины и тому подобной «драматической» безтолочи. Сметана, конечно, не гений; онъ просто — «музыкантъ»; но въ наше время это почти стоитъ гениальности, когда подумаешь, что «музыка» задыхается въ чаду и дымѣ разныхъ углой и теорій, навязанныхъ ей борзописцами, у которыхъ ни въ головѣ, ни въ сердцѣ нѣтъ и тѣни музыкальнаго здраваго смысла.

Постановка и исполненіе оперы заслуживаютъ особеннаго вниманія. Г. Палецекъ, этотъ совсѣмъ молодой, даровитый пѣвецъ, сумѣлъ приобрѣсти себѣ въ самое короткое время любовь и симпатію нашей публики; нѣтъ, за постановку «Проданной Невѣсты», онъ смѣло можетъ разсчитывать на *глубокое уваженіе* всѣхъ русскихъ людей, любящихъ и цѣнящихъ славянское искусство. Въ роли свата онъ былъ неподобенъ: неподобенъ какъ сватъ, какъ пѣвецъ и какъ человѣкъ, сослужившій великую службу славянскій музыки. Г-жа Платонова, доказала въ этотъ разъ, что она можетъ, когда захочетъ, пѣть не «кошечкой» (выраженіе Глинки) и доставила намъ этимъ истинное удовольствіе; въ роли Маши она была такъ хороша, какъ ни въ одной другой — на нашей памяти. Г-жа Леонова также умно отгѣпляла ничтожную роль Агаты, какъ отгѣпляетъ она всѣ второстепенныя роли, въ которыхъ приходится ей съ нѣкоторыхъ поръ играть (Марта, Нанна). Г. Комисаржевскій прекрасно передалъ Ивана, безъ утрированной развязности, съ отгѣнкомъ задумчивости и задумчивости. Г. Булаховъ и остальные исполнители старались сколько могли. Великое спасибо также г. Богданову — за танцы. Говорятъ, что г. Богдановъ нарочно ѣздилъ въ Прагу, чтобы на мѣстѣ ознакомиться съ народными чешскими танцами. Какъ бы то ни было, но «бѣсѣда» (полька 1-го дѣйствія) поставлена имъ удивительно вѣрно и тишично; танецъ этотъ вытѣснялъ въ славянскомъ обществѣ французскую кадрили и танцуетъ даже въ нѣкоторыхъ русскихъ семействахъ. Оркестръ, какъ всегда, былъ превосходенъ, но, кажется намъ, нѣ-

Российская Иллюстрация

№ III.

III ГОДЪ, ТОМЪ V. № 7.

13 Февраля 1871 года.

Версаль: Принятие королемъ Вильгельмомъ титула Императора Германіи.

(Грав. Л. А. Скраковъ).

Самаркандъ.

(Окончаніе).

Надобно видѣть Самаркандъ въ базарные дни, по вторникамъ и воскресеньямъ, когда, напримѣръ, все пространство отъ мечети Биби-Ханымъ до медресе Ширъ-Даръ заурядомъ народомъ до того, что пѣшие и конные съ трудомъ могутъ подвигаться въ сплошной массѣ. Это самое широкое мѣсто въ Самаркандѣ, улицы котораго, какъ во всякомъ восточномъ городѣ, «расползаются во все стороны, какъ раки». Отъ Биби-Ханымъ до Ширъ-Дара раскинулася главная торговля города; это нѣчто соответствуетъ «Садовой» Петербурга, «Ильинкѣ» Москвы, «Странда» Лондона, внутреннимъ бульварамъ Парижа, «Нейерваалъ» Гамбурга и «Вауэрей» Нью-Йорка, только съ совершенно иной обстановкою. Тамъ все такъ чинно и изящно выставлено для безмясики и зеркальными стеклами, здѣсь, напротивъ, все снаружи и притомъ безъ всякаго соблазнительнаго этикетажа. Масса пестрыхъ халатовъ, яркихъ тубитеекъ (головныхъ шапочекъ для бритыхъ головъ мусульманъ) блестящею золотомъ, серебромъ, костью и малиновой фальгой красивые арчаки (деревянные сѣдла), войлоки, шолковые и бумажные товары, изюмъ, смоква, персики, абрикосы и урюкъ (сушоны абрикосы), гранаты, душистая и пряная вяленая дыня и множество всякихъ фруктовъ и лакомствъ, на которыхъ исхода поглядываетъ проходяій у «Милотинныхъ» лавокъ, все это набросано какъ поало въ лавкахъ главной улицы, обсаженной тѣнистыми деревьями. Мѣстами, среди лавокъ, разбросаны рестораны, — ашь-хане, гдѣ почтенные чаломосцы затягиваются одуряющею *нашою* — гашишомъ, отъ котораго разстроенное воображеніе уноситъ на девятое небо, полное всѣхъ земныхъ соблазновъ, щедро общаемыхъ кораномъ; тутъ пьютъ чай и прохлаждаются водою съ *ширни* — родъ потока изъ ступицаго винограднаго сока. У лавокъ апатично прогуливается съ палкою туземный полиційскій — *реисъ*, родъ мусульманскаго цензора, обязанность котораго наблюдать за общественною нравственностью. Реисы — народъ могущественный. Такъ какъ всякая власть на Востоку установлена самимъ Аллахомъ и представителями его на землѣ, то реисы имѣютъ отчасти духовное значеніе, — они могутъ останавливать на улицѣ любого правобѣрнаго и заставлять прочитать молитву, имѣя при этомъ право наказывать не въждъ тридцать девять ударами палки. Но, въ особенности, реисы должны строго слѣдить за тѣмъ, чтобы мусульмане не предавались суевѣрнымъ обрядамъ; многіе изъ этихъ обрядовъ напоминаютъ прежнюю религію Зороастра — огнепоклоненіе. Въ Средней Азій, весной, бываетъ изысканій праздникъ Чаршембен-Сунни — въ главныхъ чертахъ напоминающій нашъ изысканій праздникъ «Ивана Купала» — тоже несомнѣнный остатокъ огнепоклонничества. Въ день Чаршембен-Сунни зажигаютъ костеръ, черезъ который прыгаютъ мужчины и женщины, причѣмъ разбиваютъ надъ огнемъ какую нибудь глиняную посуду, чтобы очиститься отъ грѣховъ тѣлесныхъ и душевныхъ. Огонь играетъ также немазлаживую роль — какъ очищающее начало въ разныхъ болѣзняхъ.

Но возвратимся на главную улицу, гдѣ, во всемъ разгарѣ, кипитъ дѣятельность. Пестрая толпа въ самыхъ разнообразныхъ халатахъ и чалмахъ всякихъ величинъ, смотря по достоинству чаломосца, въ мѣховыхъ и суконныхъ шапкахъ, прерывается, мѣстами, медленно двигающимся караваномъ верблюдовъ, пришедшимъ изъ Карши, Бухары, Гиссара, Кокана или Яркенда. За ними короткою, но вѣрною поступью идутъ вереница ословъ, или шаковъ, (муловъ), навьюченныхъ фруктами, овощами, холстомъ и разными другими деревенскими продуктами ближайшихъ кишлаковъ. Вотъ жалостно и заунывно, точно восточная мелодія, скрипитъ и плещетъ немзанная арба, запряженная сильнымъ коняскимъ конемъ въ пару съ могущественнымъ буйволомъ. Среди этой толпы, выдвигается стройная худая фигура персиянина съ великолѣпною черною бородою и прекрасными тонкими чертами лица, едва сдерживающаго степеннаго, золотистаго арамака. За нимъ, въ простомъ бумажномъ халатѣ и грубой красной чалмѣ, неуклюжею поступью грубно — вѣдетъ присадыстый великанъ, широкія черты лица котораго и рыжие волосы ясно указываютъ на его узбекское происхожденіе. Узбеки — народъ сильный въ Средней Азій; они считаются господствующимъ племенемъ и живутъ въ постоянной враждѣ съ аборигенами — таджиками, принадлежащими къ индоевропейскому племени. На сколько таджикъ пизанецъ въ своихъ манерахъ, въжливъ до приторности и хитеръ до крайности, на столько узбекъ протетъ и даже грубъ и отличается всѣми добродѣтелями завоевательнаго

племени. Изъ узбекскаго племени Тукъ происходятъ бухарскіе эмиры.

Въ уличной толпѣ Самарканда видны только одни мужчины. Если и попадется изрѣдка женщина, то это — навѣрное старуха, вышедшая изъ дому по порученію молодыхъ женщинъ за какими нибудь покупками, или же по дѣламъ галантерейнаго свойства. Кромѣ узбековъ и персіанъ, на улицахъ Самарканда можно встрѣтить кочующихъ вѣзны кипчаковъ, каракалпачковъ, арабовъ, цыганъ и евреевъ. Мѣнялъ индусовъ и жителей Афгана, Кабула и Герата, привозящихъ сюда парчу, кисею, канители, аптекарскіе товары, индійскій сахарный песокъ, кашемирскія шапки, любимаго на всемъ востоку бирюзу и необдѣланные драгоцѣнные камни.

Арабы, встрѣчающіеся въ Самаркандѣ, кочуютъ въ окрестностяхъ его. Это потомки послѣдователей пророка, вторгнувшихся въ цѣвстій страны Средней Азій послѣ первой хеджры. Здѣсь, подобно тому, какъ въ Аравіи, они не покинули своего кочеваго образа жизни, но только палатки первоначальной родины замѣнили киргизскою кибиткою, болѣе сообразною съ условіями здѣшняго климата. Нѣкоторые вѣзвуть оседело и занимаются торговлею — подобно своему пророку.

Самаркандскіе евреи занимаютъ особый кварталъ, заключающій въ себѣ до трехсотъ домовъ. Это высококодаренное племя, вездѣ гонимое, обязано, подобно римскимъ «Гетто», при бухарскихъ эмирахъ, жить только въ предѣлахъ отведеннаго ему пространства. Евреямъ запрещалось носить головной уборъ послѣдователей пророка — чалму; вмѣсто нея они надвѣваютъ небольшой шапочки изъ темнаго сукна, съ оторочкою изъ барянаго мѣха. Имъ не позволялось также надвѣвать другихъ халатовъ, — красота и чистота которыхъ служатъ на Востоку признакомъ личнаго достоянства — кромѣ халатовъ изъ алачи — грубой набивной бумажной матеріи; подоясываться же должны были простою веревкою. Изъ запрещалось также вѣдъть верхомъ, что равносильно домашнему аресту въ грязную погоду. Ненависть и презрѣніе къ евреямъ доходило до того, что бить и даже убить еврея не считалось преступленіемъ. Такой чрезвѣрный гнетъ имѣлъ вліяніе на умственное и матеріальное благосостояніе этого промышленнаго народа. Здѣсь они бѣдны, занимаются ничтожною мелочною торговлею, размоткою и окраскою шолка; грамотныхъ между ними очень мало и большинство забыло свой родной языкъ.

Въ прежнее время цыгане — благодаря своей хитрости и искусству ворожить — играли важную роль въ Самаркандѣ. Теперь они кочуютъ въ своихъ бѣлыхъ бивевыхъ палаткахъ по берегамъ Зарьянана и въ окрестностяхъ Каракуля. Здѣсь считается три цыганскихъ племенъ: Джуги, Мизангъ и Люли, но все они болѣе извѣстны подъ этимъ послѣднимъ именемъ. Цыгане, номинально, считаются мусульманами, но, въ сущности, какъ и вездѣ, гдѣ живетъ это загадочное племя, не имѣютъ никакой религіи. Цыгане занимаются барышничествомъ и торговлею пѣвками; цыганки — гадальницами и ворожбой.

Проходя по улицамъ Самарканда, вдали отъ торговой улицы или каравансараявъ, вы часто слышите шаговъ за пятьдесятъ какой-то нестройной гулъ дѣтскихъ голосовъ, прерываемыхъ гулымъ звукомъ и слѣдующимъ затѣмъ рѣзкимъ крикомъ. Это навѣрное мохамеданская школа, въ которой, какъ и въ еврейскихъ школахъ, дѣти учатся вслухъ, просяживая за книжкою не менѣе десяти часовъ, при чѣмъ лѣвивыхъ и отстающихъ учитель поощряетъ палками. Послѣ семилѣтнаго зубренія грамоты, соединенной съ отеческими наставленіями по спитъ, молодой мусульманинъ поступаетъ въ медресе, гдѣ его уже окончательно забываютъ самую неприложимую схоластику. У входа въ медресе рано утромъ собираются группы студентовъ, подзубривающихъ свои уроки или ведущихъ споры о разныхъ тонкихъ вопросахъ своей науки. Они силится понять невыразимую ерунду ста двадцати книгъ, ерунду, о которой въ медресе спорять съ глубоко-учеными мудраками до тѣхъ поръ, пока суфи (муеззинъ) не возвѣститъ въ пятый разъ съ высокаго минарета своего обычнаго призыва къ молитвѣ: «ая илзати иль-алалахъ».

Мы такъ еще недавно въ этихъ странахъ, въ которыхъ съ опасностью жизни могъ до сихъ поръ проникать европеецъ; но пройдетъ немного лѣтъ и, можетъ быть, на камѣхъ одного изъ нашихъ университетовъ мы увидимъ того самаго юношу, который, при прежнихъ условіяхъ жизни въ Самаркандѣ, обратился бы въ юродиваго шана или факира, оглашающихъ улицы своими безумными криками. Пусть же ожиданія наши будутъ для блага богатаго края, блистательно заявившаго себя съ самаго начала своими мирными и трудолюбивыми правами.

Ирбитъ.

(Окончаніе).

Около 1763 г. въ Ирбитѣ былъ построенъ новый гостини дворъ; хотя планъ этого зданія былъ утвержденъ нѣсколько ранѣе и въ 1753 г. былъ переданъ въ сибирскій приказъ, но дѣло это почему то затянулось. Новый гостини дворъ назначено было построитъ на новомъ мѣстѣ, за оградой свободы, близъ петербургскихъ воротъ ея; архитектура этого зданія напоминала собою нынѣшніе азіатскіе караванъ-сарай; не имѣя лавокъ съ наружной стороны, оно заключало въ себѣ до 100 лавокъ съ внутренней, въ 4-хъ стѣнахъ своихъ, въ томъ числѣ 4 угловыхъ, большого размѣра; кромѣ того, внутри на дворѣ построено было 104 лавки, расположенныя въ 4 линіи и 2 свѣтлицы; одна изъ нихъ предназначалась для купеческаго суда, а другая для сбора пошлинъ. Чтобы нагляднѣе показать состояніе Ирбитской ярмарки въ эту эпоху, мы приводимъ въ подлинникъ весьма интереснаго свѣдѣнія академика Лепѣхина, путешествоваваго по Россіи съ 1768 по 1773 г. Свѣдѣнія эти онъ собралъ проживши зиму 1770—1771 года въ г. Тюмени; въ нихъ онъ замѣчаетъ, что съ учрежденіемъ Оренбургской линіи, послѣ уничтоженія внутреннихъ таможенныхъ пошлинъ, Ирбитская ярмарка получила нѣсколько новый видъ, отличный отъ прежняго, главнымъ образомъ тѣмъ, что на ней не бываеетъ уже хивинцевъ, бухарцевъ, армянъ, грековъ и др. съ продуктами ихъ странъ, а прѣзжаютъ только русскіе купцы, татары и вогуличи; вотъ что говоритъ онъ о самой ярмаркѣ: «Съ китайскихъ границъ привозятъ китайскіе лаозоны и нелощонаны разныхъ цвѣтовъ, голы или камки, фанзы, каффы, легкія парчи, шолкъ сырецъ и сучоній, лакозую, фарфорую и финифтяную посуду, чай зеленый и черный, кирпичный или твердый чай, бѣлый чай, краски разныя, тензуй, всякія мелочи, какъ то: трубки курительныя, стекла зажитательныя, шолкомъ шитыя картины и проч. Изъ дальней Сибіри идутъ товары, въ мягкой рухляди состоящіе, какъ то: кунци, соболы, горностан, бѣлки, песцы, волки, лисци, выдры, россомахи, бобры, оденины и лосины. Съ подобными смѣсъ товарамъ прѣзжаютъ вогуличи и березовицы. Оренбургская линія снабжаетъ сіе торжище наипаче бухарскими и хивинскими товарами, которые состоятъ въ хлопчатой бумагѣ, какъ простой, такъ и пряденой, въ разныхъ выйкахъ, полудюжковъхъ матеріяхъ, верблюжьимъ волосѣмъ и сѣланыхъ изъ него матеріяхъ, какъ-то: армяка разной доброты; отуда же привозятся овчинны, мерлушки и тулупы, кошмины и особый родъ орѣховъ, чичаръ прозываемыхъ. Копычатое серебро, золота, какъ песочное, такъ и въ перидскихъ деньгахъ, рѣдко въ Ирбитѣ видѣть можно, но оно нынѣ предоставлено для Оренбургскаго торгова. Съ оловныхъ мѣднуплавильныхъ и желѣзныхъ заводовъ не мало тутъ расходится всякой желѣзной утвари и мѣдной посуды. Изъ Москвы и прочихъ верховъ городовъ прѣзжаютъ со всякими товарами, какіе только въ тѣхъ мѣстахъ имѣть можно. Изъ всѣхъ помянутыхъ мѣстъ собираются купцы болѣею частью въ февралѣ мѣсяцѣ и товары свои сгружаютъ въ особенно построенномъ гостини дворѣ, въ которомъ 203 лавки большія и 26 меньшихъ прилавковъ. Съ каждой лавки, для поправленія и содержанія, купцы платятъ отъ 15—30 руб., только на то время, какъ долго продолжается торжище. Сверхъ сихъ лавокъ, для мелочныхъ торгашей, около гостинаго двора, множество ставится палашей, съ которыхъ деньги собираемыя называются поземельными и употребляются на украшеніе Ирбитской церкви. Но чтобы купечество и прѣзжіе могли надлежачія имѣть выгоды, построены казенные харчевни и трактиры, съ которыхъ отъ пяти до десяти рублей пожитыхъ берется денегъ. А для содержанія во всемъ порядкѣ, присылается изъ Тобольска нарочный полиціймейстеръ и не малая команда солдатъ».

Съ этого времени слобода и торговля ея начинаютъ быстро развиваться, благодаря особому, можно сказать, случайному, обстоятельству: въ 1774 г. Пугачевъ, на голову разбитый Голицынымъ подъ Оренбургомъ, потерявъ послѣднія четыре пушки, 500 человекъ убитыми и 3,500 плѣнными, бѣжалъ на уральскіе заводы; взволновавъ тамъ башкирцевъ, ему снова удалось увеличить свои шайки. Приверенцы его разсѣялись повсюду, бунтъ распространился далѣе и далѣе и, наконецъ, достигъ до Пермскаго края; многія селенія нынѣшняго Ирбитскаго уѣзда извѣили покорность самозванцу, етали и въ Ирбитѣ являлись посланцы отъ него; но жители, хотя и были застигнуты врасплохъ, остались вѣрны своему долгу;